

Библиотекарь

Конечно же, "Б-пространство" придумала не я, а, конечно же, Пратчетт.

1. С праздником, Ирина Васильна!

"Я, Глеб Шиляев, глубоко раскаиваюсь в том, что вечером 8 Марта прибил гвоздями к двери кафедры стилистики цветок (розу), предварительно выкрасив его (весь) в черный цвет, и черной же краской написал на дверях: "С праздником Ирина Васильна!", пририсовав внизу череп и кости (чего, между прочим, не помню, возможно, кости были пририсованы позже, уже без меня). Я очень сожалею о случившемся. И поясняю, что сделал это вовсе не потому, что не уважаю преподавателя Соколову И.В. (хотя она и цыпляется ко мне с самого начала по всяким пустякам, систематически занижая оценки по такому важному для будущего журналиста предмету, как стилистика русского языка), а потому, что был в состоянии... (три точки). Очень уважаю стилистику русского языка и Соколову И.В. Деканат тоже... (три точки)".

Декан снял очки, закрыл глаза и классическим жестом усталого человека двумя пальцами помассировал переносицу.

- Вы на каком факультете учитесь? – тихим, зловещим голосом осведомился он.

Глеб конфузливо заерзал на стуле. Вопрос был простым, а потому не мог не содержать подвоха.

- Жур.., - сдавленным голосом каркнул он и, прокашлявшись, выдавил.
– Журналистики.

Декан иронично приподнял бровь.

- И как вы сюда попали, интересно?
- Ну, - воспрял Глеб, - язык у меня, говорят, здорово подвешен.

Декан с легким удивлением уставился нерадивому студенту в лоб.

- Язык? У вас хвосты по стилистике с двух сессий. В вашем поздравлении, по силе и красоте своей превосходящем все, с чем я до сих пор сталкивался, ошибка на ошибке – пунктуационные догоняют орфографические.

Глеб заскучал.

- Вообще-то я хочу на телевидении работать, - заныл он. - Там-то зачем все эти орфи.. орфиепии? У.А.Ы..!? Репортерская работа – вот это да...

Декан закусил дужку очков и с сочувствием посмотрел на Марка Твена на стене.

- Все, Шиляев, идите. Поезжайте домой.

"Я, Глеб Шиляев, 8 Марта после последней пары купил цветок (розу), который по-честному собирался подарить холере Соколовой, чтобы как-то уладить вопрос с этими дурацкими хвостами. Однако в парке возле универа нечаянно повстречал нескольких товарищей. Три часа позже, находясь в приподнятом настроении, я (один или с товарищами), зная, что весь преподавательский состав собрался в актовом зале на фуршет, из самых лучших побуждений с помощью молотка и самых длинных, какие только нашлись, гвоздей приколотил вышеупомянутый цветок (розу) к двери кафедры стилистики, предварительно постаравшись придать ему соответствующий праздничный колорит. К тому времени, как был вколочен последний гвоздь,

приподнятое настроение, видимо, подошло к своему логическому завершению, иначе, чем объяснить тот факт, что я, как последний урод, на радость вернувшимся преподавателям уснул под дверью, дружески приобняв банку с краской. С праздником, Ирина Васильна! Все."

"Все, Шиляев, идите. Поезжайте домой". Нет, домой нельзя. Дома сидит мама, которая думает, что все сдано на отлично-прилично, что нет хвостов, нет долгов, а есть сыночек Глебушка – золото, а не ребенок, школу закончил, в универ поступил, в один из лучших в стране. Чего там делать, дома-то? Городок с гулькин нос – что вширь, что поперек за два часа обойти. Ну, почему в такие минуты не происходит чего-нибудь грандиозного – в соответствии с трагизмом обстановки? Почему не разверзаются в диком оскале небеса, не исходит, гримасничая, гигантскими трещинами асфальт, и никто не проваливается сквозь землю, туда, где этому "никому" самое место? Почему все время хочется жрать? Нет, не есть, а именно жрать? Почему нужно тащиться в серую, мрачную общагу и собирать вещи? Не первой свежести, между прочим. Эх, пойти бы на "четверку", там, говорят, если повезет, стажерам дают на три часа оператора и машину. Сделаешь клевый сюжет для новостей – все, ты в штате. Можно послать эту стилистику... Три точки.

Главное – события, факты, сенсации!

"Срочно требуется библиотекарь". Ха.... Глеб тоскливо оглядел объявление на обшарпанной, старательно обойденной евро-ремонтom двери. Задний двор бизнес-центра. Здание из стекла и металла – хай-тек, все блестит, сверкает и разве что не пищит от чистоты. Отродясь бы не подумал, что тут есть какая-то вшивая библиотека. И по обе стороны от задрипанной двери,

между прочим, зачем-то выставлено по шкафу в черных костюмах, черных очках и с черными круглыми примочками в ушах. Ближайший к Глебу мордovorот протянул ладонь, размером с ковшиk экскаватора, и ласковым жестом отодвинул его к зеркальной стене. Второй четким движением приоткрыл старую, дышащую на ладан, дверь.

- Последний раз...
- Я предупреждала.
- Ну, поймите, в такой... м-м-м... момент совершенно необходимо...

Мужской голос звучал умоляюще и робко. Женским можно было запросто переколоть все дрова мира.

- Я подумаю, что можно сделать.

Сказано, как отрезано. Тишина. Легкие, невесомые шаги вниз.

- Буду очень признателен...Фу-у-ух...

Человек, которого ни с кем нельзя было спутать, вышел на улицу, дрожащими руками расстегивая верхнюю пуговицу рубашки. Галстук съехал набок, на лбу бисеринки пота. Мэр с минуту постоял возле темно-зеленого форда, глотая воздух. Шкаф едва заметным поворотом квадратной челюсти указал Глебу на обшарпанную дверь, мол, валяй, теперь можно. Тот, глупо улыбаясь, оглянулся.

Троица уже усаживалась в машину, которая вскоре легко и почти бесшумно тронулась с места. "Перед кем это мэр так лебезит?" – засвербило в глебиной голове. И тут же перед глазами замелькали кадры сенсационного репортажа, самого первого в новостном выпуске: "Студент, несправедливо отчисленный из университета, разоблачает скандал в мэрии". Он воровато

оглядел совершенно безлюдный проулок и шмыгнул подвал. Журналист меняет профессию. Кажется, так это называется?

2. Собеседование

В зданиях 21 века все сделано из чего-нибудь яркого и бросающегося в глаза. Однако не обязательно прочного. Разве можно пластик или стекло назвать долговечным? В подвале за облезлой дверью, в мире, на котором, можно сказать, покоился весь пафосный городской бизнес, не было ничего хрупкого или блестящего. Здесь царила голая, средневековая практичность. Начинался подвал с грубых, крутых, каменных ступеней, которые, казалось, никогда не кончатся. Но вот, наконец, они привели Глеба в огромный зал. Стены, пол и потолок обшиты потемневшим от времени деревом. Массивные каменные колонны. Стеллажи под самый потолок с нескончаемыми вереницами книг. Он застыл на пред-предпоследней ступеньке, хлопая глазами. Наверху тускло горели лампы, свет их был рассеянным и приглушенным. Возле лестницы высокая, примерно по грудь, конторка, и на ней старая, музейного вида, касса. Диван. С легким чувством недоумения и потрясения Глеб медленно спустился вниз. Прошелся вдоль колонн с обозначениями разделов и уходящих в бесконечность полок.

- Добрый день.

Тот же менторский, прекрасно поставленный, на 90 процентов состоящий из профессионально обработанного металла, голос. Глеб резко обернулся. Он мог бы поклясться, что минуту назад вокруг не было ни души. На даме был черный, идеально подогнанный, безупречно строгий костюм – узкая юбка по щиколотку, глухой жакет, изящные туфли на невысоком

каблуке. Белоснежные волосы стянуты в гладкий, тугой пучок на затылке. Круглые, в тонкой, черной оправе очки. Лицо с множеством мелких морщинок, проницательные глаза, с сильной горбинкой нос, узкая, очерченная в еле заметную гримасу легкого высокомерия, линия губ. Дама вопросительно склонила голову набок.

- Объявление..., - пролепетал Глеб, все еще ошарашенный ее внезапным появлением и ткнул пальцем куда-то наверх, где, по его представлению, должна была располагаться обшарпанная дверь.

Новый, незнакомый библиотеке голос отрикошетил от стеллажей и улетел под потолок гулким эхом. Женщина удовлетворенно кивнула и указала на обитый бордовым бархатом, антикварного вида диван.

- Присядем?

Спину она держала прямо и торжественно, словно флаг олимпийской сборной.

- Меня зовут Марьяна Валерьяновна. Я заведу отделом юридической литературы. И одновременно являюсь директором этого хранилища.

Она снова слегка наклонила голову, будто собиралась сделать на этом какой-то особый акцент.

- Здесь у нас не совсем обычная библиотека. Полагаю, до сих пор вы не подозревали об ее существовании.

Глеб громко сглотнул и поспешно кивнул. Женщина выдержала паузу, однако, не дождавшись вопроса от Глеба, который тем временем рассеянно разглядывал стеллажи за ее спиной, продолжила.

- В последнее время к нам поступает очень много современной отечественной..., - она замаялась, подбирая слова, словно собиралась

сказать что-то не совсем приличное, - литературы. Люди приобретают книги, чтобы прочитать и тут же избавиться от них. Читиво на один раз, - дама раздраженно потерла лоб. - Нам срочно требуется сотрудник в раздел фантастики. Признаться, мы все не слишком сведущи в такого рода произведениях. И там, среди них, образовался ужаснейший беспорядок.

Глеб понимающе кивнул. Дама с сомнением оглядела его растрепанные лохмы, небрежно торчащую из-под куртки футболку и разодранные на коленях джинсы.

- Вы, вероятно, знаете толк в русском языке и любите его всей душой, если вас заинтересовало наше объявление, - с едва уловимой ноткой сомнения в голосе добавила она.

Горе-стилист вытаращил глаза и невольно закашлялся, будто бы подавившись собственным языком.

- Позвольте задать вам несколько вопросов, - невозмутимо продолжила дама.

Она потупила взгляд и некоторое время рассеянно глядела в пол, на темно-красный ковер, будто что-то соображая.

- Представьте, что вы командир космического корабля, - ледяным голосом, за которым явно проглядывало смущение, произнесла она, - и терпите бедствие на незнакомой планете. Высадившись, видите, как к вам приближается некое существо, снабженное угрожающе размахиваемыми щупальцами. Ваши действия?

Глеб рассмеялся. Вот это собеседование!

- Ну, так у меня же всегда при себе старая добрая лазерная пушка...

Он нервно поерзал на диване и огляделся – нет ли тут поблизости кого-нибудь в майке с надписью "А здорово мы тебя разыграли, приятель?!" В зале, кроме них двоих, никого не было. Стояла мягкая, вязкая тишина.

- Бум! – Глеб удовлетворенно подул в воображаемый ствол – жест, символизирующий полную, безоговорочную победу над остолопом, который сунулся герою под ноги.

Дама с легким удивлением посмотрела на него, а затем быстро отвела взгляд.

- Далее. Вы в доме один. Ночь. Просыпаетесь, и слышите, что на чердаке творятся странные вещи. Непонятный шум, возня, возможно, чавканье. Но вы точно помните, что заперли все двери и, конечно же, слуховое окно...
- Беру с кухни нож и иду наверх, - весело ляпнул Глеб и, состроив жуткую рожу, рубанул в воздухе рукой, демонстрируя, как воображаемое лезвие резко и точно опустилось на опрометчивое горло жертвы из потустороннего мира.

Дама закрыла глаза, глубоко вздохнула, сжала на коленях кулаки и на миг задержала дыхание.

- Прекрасно, - бесцветным голосом промолвила она и быстро поднялась. – Вижу, вы знаете толк в таких книгах. Вы приняты, - брови Глеба при этих словах поползли вверх. - Прохор Сергеевич покажет ваше рабочее место и объяснит правила.

3.Особые условия

С этими словами хозяйка книжного хранилища бесшумно испарилась в недрах раздела юридической литературы. Глеб нервно хохотнул. Если это розыгрыш, то весьма неумный. Однако возле колонны с надписью "Поэзия" его уже дожидался лысоватый, невысокого роста мужичок, который приветливо помахал рукой. Явно пивного происхождения брюшко, теплая улыбка, обвислые усики, а также стоптанные тапочки и вытянутые на коленях треники придавали мужичку вид домашний и безобидный. На сотрудника библиотеки Прохор Сергеевич был похож так же, как наспех размороженный вареник похож на завтрак аристократа.

- Очень рад, - с энтузиазмом сообщил он, подошел поближе и протянул Глебу руку, которую тот торопливо пожал.

Мужчина повел новоиспеченного сотрудника вдоль нескончаемой череды стеллажей, где возле каждой новой колонны начинался следующий литературный раздел. Ни единой пылинки, корешки книг свежие, чистые, новые, будто их никто и никогда не брал в руки. Чем дальше они уходили вдоль того или иного жанра, тем старше становились книги, тем чаще встречались Глебу архаичные названия, написанные старым алфавитом.

- Значит, фантастика, - задорно подмигнул Прохор Сергеевич, бодро вышагивая, - так-так. Очевидно, Марьян Валерьянна уже пожаловалась, что для нас это совершеннейшая тера инкогнита. Табула, так сказать, раса. Просто беда, сколько подобного добра в последнее время свалилось на наши головы.

Мужичок с чувством прикрыл обеими руками лысину, будто опасаясь, что современные фантастические опусы могут прожечь на его голове плешь. Глеб оглянулся – они ушли так далеко, что диван и древняя конторка –

прабабушка современных офисных ресепшн – превратились в крохотные точки. Обоюдосторонняя перспектива темных стеллажей, обрамленных монументальными каменными исполинами, подпирающими свод, томным верхним светом и теплого, мягкого оттенка ковром под ногами, производила умиротворяющее и одновременно величественное, неизгладимое впечатление.

- А я вот, признаюсь, сам лично стишками балуюсь, – смущенно хохотнул Прохор Сергеевич. – Имею, так сказать, за душой такой грех. И, стало быть, весь раздел поэзии – мой.

Он сказал это с такой гордостью и таким волнением, будто бы владел рубином размером с монитор или недвижимостью в историческом центре Монако.

- Ну, все-таки, как замечательно, что вы нашлись!

Стихоплет с восторгом соединил трогательно пухлые ладошки, будто ребенок, которому вместо каши на завтрак выдали кусок торта. Глеб, шагая рядом со своим провожатым, криво усмехнулся. Несмотря на потрясшие его масштабы и великолепие хранилища, он этой радости совершенно не разделял.

- Откуда к нам? – живо поинтересовался дядька, на ходу с любопытством заглядывая Глебу в лицо, словно надеясь разглядеть там бесспорные признаки любви к литературе.
- Из универа выперли, - беспечно отозвался специалист по фантастике и засунул руки в карманы.

Подобное заявление проставило любезнейшего Прохора Сергеевича в тупик. Он быстро, исподлобья глянул на Глеба и, задумавшись, замолчал. Вдруг из-за колонны с надписью "Карты и атласы" навстречу идущим высунулась худая, бледная физиономия, увенчанная длинным носом и

свисающими по обе стороны рыжими, засаленными, редкими прядями. Голубые, водянистые глаза хранителя путеводителей беспокойно скользнули по незнакомой фигуре в куртке.

- Приветствую! – страстный любитель поэзии остановился и радушно вскинул ладонь, - вот, Захар, почти что, так сказать, ваш сосед...
- Забрал, - хриплым, сдавленным голосом пожаловался рыжий, обращаясь к потолку и тихо всхлипнул.
- Что вы говорите! – ахнул Прохор Сергеевич и даже немного присел. – Сочувствую.
- Было нужно, - тот тяжело вздохнул и, с несчастным видом закатив глаза, потеревил край своей жилетки. – Позарез.

Глеб услышал, как где-то далеко-далеко за его спиной что-то звякнуло, будто ударили в крохотный колокол. Сосед закусил губу и горестно покачал головой, однако, опомнившись, весело хлопнул себя по ляжкам

- Вот Глеб, так сказать, наш новенький...

Почти сосед бросил на Глеба тревожный взгляд, испуганно кивнул, оскалился в некоем подобии вымученной улыбки и торопливо юркнул куда-то в атласные дебри. Мужичок с пивным пузом вздохнул и одобряюще потрепал парня по плечу.

- Ну, ничего, ничего... Боюсь, для вас все мы здесь слишком, так сказать, архаичны... Излишне замкнуты. Каждый заиклен на своем..., - пробормотал он, обращаясь неизвестно к кому.

Оставшуюся часть пути они прошли молча. Наконец впереди замаячило нечто странно нарушающее гармонию окружающего порядка и чинной обстановки. Громадное количество книг было свалено как попало возле

пустых, голых стеллажей, в своей беспомощности похожих на скелеты прижавшихся друг к другу гигантских, неестественно правильной, прямоугольной формы животных. Прохор Сергеевич виновато развел руками.

- Совершенно ничего не можем с этим поделать. Само складываться нипочем не желает. И никого, зараза, так сказать, близко не подпускает.

Глеб тряхнул свесившимися на лоб волосами. Коварство физического труда заключалось в том, что он подстерегает тебя на самых неожиданных поворотах судьбы. За это он с детства недолюбливал физкультуру, упражнения на свежем воздухе в огороде с лопатой и все остальное.

- Все это здорово, - он слегка замялся, разглядывая носок своего приготовившегося порваться кроссовка. - А вообще, какие условия?
- Условия? – растерялся Прохор Сергеевич.
- Ну, выходные, отпуск? Как насчет обеда? Во сколько приходить, во сколько уходить? И, извиняюсь, каков размер оклада? Сколько буду получать?

Мужичок погладил усы, наморщил лоб, словно пытаюсь вспомнить значение этих странных, не имеющих никакого отношения к литературе слов.

- Этого ничего не нужно, - ласково, но твердо проговорил он после некоторого замешательства. – Просто расставьте книги.

Глеб несколько опешил от такого заявления и открыл рот, чтобы сказать, что здесь вам не Китай, а он не китайский бесправный мальчик, и не шьет куртки за просто так. Но Прохор Сергеевич уже довольно бойко развернул тапочки обратно, в сторону своей обожаемой поэзии.

- Будет свободная минутка, заходите ко мне, прошу, - добавил он и растворился в пространстве, скользя в проем между соседней колонной.

Глеб закрыл рот. Вытащил руки из карманов. Посмотрел назад. Покусал губу. Приготовился пнуть первый попавшийся под ногу современный шедевр фантастики. Потом приготовился на него плюнуть. И вдруг неожиданно для себя снял куртку, со злостью швырнул ее в проход, скрестив ноги по-турецки, уселся на пол и взял в руки книгу.

4. Молекула

Наверное, рано или поздно все на свете можно расставить по своим местам. Отсортировать по размерам, разбить на разделы, рассовать по коробкам или, по крайней мере, хотя бы мысленно разложить по полочкам. Книги тоже можно рассортировать - по жанрам, по алфавиту, по первой букве, с которой начинается повествование, по фамилиям авторов, по формату издания и даже по цвету обложки. Глеб в силу своего природного раздолбайства действовал просто – как попало пихал книжки на ближайшую, нижнюю полку. Когда ноги затекли, он сложил наиболее увесистые томики стопкой, сел на них и стал формировать второй ряд – на одну полку выше. При этом он был готов поклясться, что некоторые книги сами ползли к нему в руки. Кроме того, вскоре он с ужасом отметил, что голова его оказалась забитой какими-то обрывками мыслей, которые мелькали и пропадали, словно ящерицы, что в солнечный день снуют по горячим камням.

- Наконец-то! – послышался вдруг возглас за его спиной.

Резкий, высокий девчачий голос.

- Наконец-то, говорю. А то мы прям из сил выбились. Чего только не делали. Даже Марьян Валерьян.

Глеб с трудом разогнул спину и развернулся.

- Привет!

Девчонка была маленького роста, с короткой стрижкой, круглая и смешная, как картофелина. На ногах кеды. Песочного цвета, летние штанишки по щиколотку, белая футболка и не застегнутая клетчатая фланелевая рубашка нараспашку.

- А ты молодец! Сразу по алфавиту.
- Что? – Глеб оторопело уставился на полторы заполненные полки, где аккуратными рядами была старательно выставлена буква "Я."

Девчонка присела возле стеллажа на корточки и улыбнулась.

- Меня все зовут Молекулой. Еще в школе так дразнили. А чего, нормально! Молекула – весьма интересная сущность. Довольно сложная и многослойная.

Она махнула рукой.

- Вон там я живу. Напротив тебя. В учебниках, - и нарочито громко засмеялась. – Говорят, логика у меня железная.
- Глеб.

Парень потер глаза, зевнул, потянулся и виновато пробормотал.

- Слушай, сам не знаю, как все это получилось.

Молекула заулыбалась.

- Это же здорово! Мы с ними во как намаялись. Никто ничего толком в этом не смыслит.

Глеб обвел глазами кучу книг у себя под ногами. Вполне возможно, кое-что из этого он когда-то читал. От скуки. Но напрочь позабыл. Впрочем, чем-чем, а особой страстью к чтению, как и к физическим упражнениям, кажется, никогда не страдал.

- Да я, честно сказать, тоже.

Повертел первую подвернувшуюся книгу в руках. Попробовал раскрыть, но страницы оказались напрочь склеенными. И вдруг в голове ясно и четко возник сюжет. Дурацкий, кстати сказать. И кончилось все нелепо, также по-дурацки. Не финал, а черт знает что. Глеб помотал головой и испуганно опустил книгу на пол.

- Ладно, не прибедняйся! Сразу видно, в нашем деле ты не новичок

- Ага, – рассеянно кивнул парень, косясь на дурацкую книгу.

Какая-то, и вправду, странная библиотека. В виски обеими кулаками затарабанил червячок репортерской любознательности.

- Слушай, давай устроим перерыв! – вскочила на ноги Молекула. – Тут недалеко нотный отдел. Пошли к Трезвучию музыку слушать!

Глеб охотно поднялся и покрутился туда-сюда, чтобы размять спину. Слава богу, хоть одно нормальное предложение за весь день.

- Может, еще и чайку нальют? – с надеждой улыбнулся он.

Девчонка почему-то звонко рассмеялась его словам, будто остроумной шутке.

- Ну, и приколист! Ты из какой библиотеки? Или прям сразу из книжного магазина? То-то гляжу, ловко у тебя получается!

- Из универа я. Того...,- Глеб почесал затылок, не зная, как бы получше объяснить, каким образом он очутился в этом подвале.

Но девчонка не обратила внимания. Как будто все это было неважно. Вот расставить книжки по алфавиту – это да, это круто!

Они быстро шли вперед по нескончаемому коридору из книг. Оказалось, что раздел фантастики весь, от колонны до колонны, был завален невыставленной литературой. Старые и новые издания отечественных и зарубежных авторов вперемешку валялись на полу. Однако же, можно было заметить, что все же соблюдался, однако, некий алфавит. Казалось, кто-то гигантским движением руки однажды, в порыве гнева, просто смел книги на пол.

- Слушай, - осторожно спросил Глеб. – А чего к вам сюда мэр приходил?

Молекула удивленно вскинула глаза. Потом посмотрела в пол.

- Забудь, - небрежно бросила она и нахмурилась.

"Что-то тут явно не того..., - он едва подавил в себе торжествующую ухмылку. – Ничего, скоро узнаем".

5. Б-пространство

Трезвучие было не в духе. Даже сутулая, обтянутая пестрым таджикским халатом, спина, и та выглядела недовольной. Нотные стеллажи явно давно следовало расширить. Им давно стало тесно. Трезвучие нервно барабанило ногтем по корешку тоненькой тетрадки и напряженно думало, как бы поделикатнее оттяпать у соседей полочку-другую, и как при этом быть с колоннами, которые вряд ли удастся сдвинуть с места. Это вопиющая несправедливость, что ее раздел смехотворно мал по сравнению, скажем, с той же классической прозой или приключениями. Молекула остановилась на

некотором расстоянии от странного объекта в халате, дернула Глеба за футболку и тихонько кашлянула.

- Здравствуйте, Трезвучие Владимировно! – вежливо сказала она, смиренно опустив глаза.

К ребятам медленно повернулась сморщенная, оформленная в недовольную гримасу, мордочка. Существо неопределенного пола, похожее на маленькую собачку с черными глазками навывкате и тоненькими дрожащими лапками. Халат подпоясан роскошным широким бисерным поясом. На голове крохотная, прикрывающая затылок, расшитая цветными нитками шапочка, из-под которой торчат жидкие косички с вплетенными в них разноцветными, потрескавшимися, стертыми бусинками.

- Мы с кра-а-аешку! – тихонько протянула девчонка, - осторожненько.

Трезвучие медленно и явно нехотя кивнуло, не сводя с Глеба выпуклых глаз. Молекула снова торопливо дернула парня за футболку.

- Здравсьте, - отрапортовал Глеб и почему-то неожиданно для себя изоразил неуклюжий книксен, при этом его голые колени хулигански высунулись из дырок на джинсах.

Молекула приснула, толстенькие щеки ее порозовели, она ловко потянула Глеба за собой. Они отошли подальше от странного существа, которое, еще сильнее выпучив глаза, продолжало таращиться на новенького, будто тусклая аквариумная рыба.

- Давай! – заговорщически прошептала Молекула, - там у нее супер!
Вот увидишь!

Девчонка подула на лоб, вытянула обе руки вперед, напряглась и, словно бы с усилием раздвигая что-то перед собой, вошла в стеллаж. При этом

на остолбеневшего Глеба, который остался стоять, словно бы он взял и проглотил гигантский карандаш, подул слабый теплый пряный ветерок. Он рассеянно поморгал и оглянулся вокруг в поисках своей новой знакомой. Прошло некоторое время. Молекула высунула голову – приятный ветер, взъерошивший ее короткую челку, дохнул Глебу в лицо.

- Чего тормозишь? Боишься, что ли?
- Блин, - прохрипел он и отшатнулся.
- Ну, ты что? – обиженно зашептала Молекула, - Пошли, пока Трезвучие доброе!

Глеб попятился. Обиженная Молекула, с усилием раздвигая что-то перед собой, вылезла из книжек целиком и схватила его за руку. На лице ее читалось раздражение с удивлением вперемешку. С минуту она внимательно разглядывала его лицо, а потом спросила.

- Ты что, никогда не был в Б-пространстве?
- Где-где?
- Во дает! – воскликнула девчонка и с явным восторгом встряхнула его руку. – Тебе что ли Марьян Валерьян ничего не говорила? И инструктаж никто не провел?
- Инструктаж? - Глеб осоловело уставился на нее. Куда он попал? В библиотеку или в школу по прыжкам с парашютом? – Мне сказали книги расставить, - растерянно пролепетал он.
- Хочешь сказать, что ты никогда не чувствовал Б-пространства? И тебе не хотелось, - Молекула запнулась. – Туда...
- Мне хочется пива. Или чаю на худой конец. И где здесь у вас туалет?

Молекула, глядя на парня странным взглядом, покачала головой.

- Тогда как ты вообще сюда попал-то?

Глеб поморщился. Этот вопрос сегодня он уже слышал.

- Ну, - Молекула замялась и нерешительно огляделась. – Может, давай, попробуй, что ли!

Глеб поежился. Ему жутко захотелось домой, в общагу, или на худой конец, просто выйти на нормальную на улицу.

- А что такое это ваше Б...?

- Б-пространство? – девчонка задумалась и с минуту поколебалась, кусая губу. – Как тебе сказать? Трудно объяснить. Сейчас ты тут, а через мгновение там. Тянет туда. Всю жизнь тянет. Таким, как мы, в нем самое место! – она рассмеялась. – Я здесь, например, из-за своей любимой математики. Проша до сих пор стихи пишет. Плохие, правда. Трезвучие, говорят, с хиппи по свету бродило. А Марьян Валерьян вообще умудряется в настоящей библиотеке работать, наверху, в бизнес-центре. Слушай, если ты вошел сюда, в хранилище, значит, скорее всего сможешь ходить в Б-пространство. Просто пока не умеешь.

Молекула совсем по-детски в радостном возбуждении немного покружилась. Выглядела она взволнованной.

- Слушай! Я еще никогда не вела инструктаж. Вот здорово! Марьяна меня убьет!

Тут они оба заметили, что Трезвучие Владимировно, хоть и стоявшее на приличном расстоянии, как-то напряглось, все целиком превратилось в одно огромное ухо, облаченное в таджикский халат.

- Лучше никому об этом не знать..., - спохватившись, горячо зашептала Молекула и поспешно отвернулась. – Давай, быстренько, пока оно ничего не пронюхало. Я попробую войти поглубже и потянуть тебя за собой.

Толстушка набрала воздуха в грудь, выставила руки вперед, наморщилась и с силой раздвинула воздух, едва успев ухватить Глеба за локоть. Вот и все - ее снова нет. Только на короткий миг - легкое движение воздуха, на этот раз отдающее тухлым соленым песком. И тихая музыка – едва уловимые звуки вдалеке – колокольчики, нестройный цокот барабанов, флейта. Сердце колотилось, будто кто-то без устали колот им грецкие орехи. Кроме цепких девичьих пальчиков локоть почувствовал пугающую своей реальностью прохладу. Глеб вдохнул, закрыл глаза. Сделал шаг и тут же понял, что запутался в собственных ногах. А потом больно, со всего размаху стукнулся лбом о стеллаж. Трезвучие медленно развернуло голову и пошевелилось, полностью переключив внимание на то, что происходит в дальнем конце ее владений. Глеб быстро сделал вид, что нашел что-то жутко интересное среди нотных тетрадок и вытащил одну, самую толстую. Тут же соседние брошюры соединились сами собой, точно сползлись, и свободного места не стало. Обнаружив, что какой-то молокосос осмелился покуситься на ее драгоценную собственность, Трезвучие угрожающе зашипело и прыгающими шагами направилось в его сторону. Глеб швырнул тетрадку на пол и побежал.

Он неся со всех ног. Стеллажи, книги, полки, лампы, ковер. На волю, скорей! Как далеко он от выхода? Кругом сплошные переплеты, без конца и края. Ему казалось, что сгорбленная фигура с развевающимися полами халата, словно зловещая тень, несется следом за ним и шипит.

- Идите к черту! – заорал Глеб. - Долбанное место!

Глухой звук его голоса безо всяких усилий, не жуя, проглотила библиотека, и по корешкам книг прошелестел лишь тихий, невнятный шепот, словно легкая отрыжка. Время от времени чье-нибудь удивленное лицо выглядывало из-за колонны с надписью, но Глеб, не обращая внимания, мчался мимо. Спустя некоторое время он вынужден был признаться самому себе, что потерял силы. Коридор стеллажей был бесконечен. Также он вынужден был признаться, что ищет вовсе не выход, а пустые хребты вверенного ему раздела фантастики. Возможно ли выйти в следующий ряд? Возможно ли вообще куда-нибудь выйти? Несмотря на охватившую панику, Глеб догадался развернуться и припустить назад. Вот оно, наконец, знакомое место. Раздел фантастики. И удивительное, странное, новое чувство – он в своей тарелке, в безопасности. В тот же момент ноги предательски подкосились. Глеб обо что-то запнулся. Скорее всего, конечно же, о валяющуюся на полу книгу. Неловко взмахнув руками, он ощутил, что падает прямо на пустой стеллаж. Спинай вперед.

6. Анята

Падение было ужасно долгим. Страшно медленным. Тягучим, томным и полным досадливого сожаления, словно теплый, солнечный день, бездарно проведенный за универовской партой. Тело опускалось секунда за секундой, позвонок за позвонком. Двигалось еле заметно. Зато перед глазами с поразительной скоростью мелькали невнятные, размытые картины - дикие, яркие цветовые пятна. В ушах стоял гул, сердце сжалось в одну крохотную точку, словно кто-то с силой проткнул карандашом бумагу, так что брызнул грифель. Глеб попробовал сопротивляться и с силой дернулся влево. Голову

скрутило потоком чего-то горячего. Когда затылок коснулся пола, он с тревогой понял, что его занесло слишком далеко. Одновременно осязаемое облегчение, что падать больше не надо, участливой змейкой прокралось внутрь сознания, и глаза закрылись сами собой. Пошевелиться не было сил.

Он почувствовал это. Чужой раздел. Чужие стеллажи. Книги. Другие книги. Старые. Из другого времени. Бестолковые дамские романы. И не дамские. И не романы. Беллетристика. Читать такое в наше время? Просто смешно и, может быть, даже стыдно. А вот что-то стоящее. Тянувшее чувство глубокой потери где-то внутри – пройдет время, и эта книга уйдет. Куда? В никуда. Ее забудут, у нее не будет ни одного читателя. Но как это произойдет? Она просто возьмет и переместится на другой стеллаж? Странная догадка. Такой мусор был всегда. Был и есть, в любой библиотеке, в любом книжном магазине. В любое время. Это все просочится через фильтр. Фильтр времени. Вкусов. Событий. Обстоятельств. Пробегут столетия, и люди оставят на полках то, что будет еще какое-то время интересовать, обсуждаться. Остальное умрет. Потеряется. Забудется. Так вот что такое это хранилище. Огромная свалка. Того, что не прошло проверку временем. Стеллажи – нечто вроде чайного ситечка. В разное время литературе нужна заварка разной крепости. Люди читают, люди пьют чай. Фильтр. ВСЕ ЭТО ЗАБЫТЫЕ КНИГИ, которые никто не читает, про которые никто не помнит. И эти... сотрудники в хранилище...

Легкий шорох. Глеб с усилием приоткрыл и скосил глаза. Маленькие, изящные, туго зашнурованные, старомодные, лакированные ботинки. Юбка с кружевной оборкой, по лодыжки. Возле стеллажа, одной рукой касаясь пустой полки, где не было книг, стояла девушка в сером, под горлышко платье. Лицо

ее, довольно милое, в форме сердечка, с ямочкой на подбородке, выглядело испуганным и напряженным. Рука заметно дрожала. Вторую руку девушка держала за спиной, она что-то прятала. Из-за юбки не видно, что. Глеб прикрыл глаза и попробовал застонать. Звук застрял в груди. Девушка, слегка пошатываясь, словно не будучи уверенной, правильно ли она поступает, подошла к незнакомцу, наклонилась и, что-то сказала. Повторила несколько раз. А потом сделала робкое движение, словно хотела коснуться его лица. Однако, подумав, отдернула руку и тоже спрятала ее за спину, перехватив то, что там было, поудобнее. Глеб попытался подняться. Плечи тяжелые, будто на них наступил разом весь загробный мир. Волосы мокрые. И волосы, что удивительно и странно, болят. Еще усилие. Рывок. Ледяной воздух, сдирая кожу, обжег лицо. Резкий толчок влево. Сердце выскочило вон. "Все, Шиляев, идите. Поезжайте домой".

Спустя миллион лет, очнувшись, Глеб обнаружил, что лежит в гряде книг рядом со своими стеллажами. Слева с траурным лицом стоит Молекула, прижав ладонку ко рту. А за ноги его почему-то крепко держит незнакомая пожилая женщина в наброшенном на плечи пуховом платке.

- Анята. Она сказала, ее зовут Анята, - глупо улыбаясь, проговорил Глеб и вырубился.

7. Пожар

Человек с седой, фигурно выстриженной бородкой в сером, тонкого сукна костюме стоял у открытого окна в кабинете загородного дома, где тяжелое золото бархатных штор наполовину скрывало закат. Пылающие всеми оттенками багрянца сполохи, казалось, прожигали голову насквозь,

пробираясь в межбровье и выползая через затылок. Непростое это дело - подолгу смотреть на солнце, даже когда оно умирает. В доме ни души. Прислуга распущена. Семья давно развеяна по свету. Он - самый одинокий человек на земле. И он - человек, который изменил мир. Представление о мире. Он не думал, даже не подозревал, что это случится. Что ему суждено будет угодить в эту ловушку. Расставленную когда-то им самим. Что может быть глупее и неизбежнее того, что сейчас происходит?

Человек отвернулся от окна. Лицо его, с лукавыми морщинками возле серых, как утренний туман, глаз, было спокойно. Медленным шагом, минуя стол, он направился к противоположной стене, уставленной книгами. К своей единственной настоящей любви. Чутким профессиональным жестом библиотекаря он кончиками пальцев ощупал упругие корешки. Провел рукой, поглаживая, лаская. Почему рождаются книги? Это невероятно огромное количество слов, которые некому было в свое время сказать в лицо? Скажи бумаге. И вот книги, словно беспризорные дети, бродят по свету в поисках того, кто их поймет. Даже самые знаменитые книги нуждаются в сочувствии.

На чердаке слышалась возня. Человек горько усмехнулся, тряхнул аккуратно подстриженной головой, будто вспомнив что-то, и погладил седину на висках. Все так. Все неизбежно. Он слишком увлекся. Он написал столько книг, да и о нем самом столько писали. Будто он сам стал книгой. Живой. Он не смог удержать это в себе. Всю жизнь это рвалось наружу, терзало, молило: "Выпусти меня! Расскажи другим!" Он не смог похоронить этот голос в своей голове. Сверху повеяло жаром. Мужчина прислонился лбом к прохладным кожаным корешкам. Книги здесь были подобраны с большим вкусом. Он был очень избирателен. Щепетилен. Он был невозможен в своем исключительном

чутье на истинную литературу. Признавал только шедевры. Стиля. Слова. Духа. Только высший пилотаж. Без единой пометки. Или пометки, ставшие стилем. Говорили, что у него везде свои шпионы, что на него работает целая империя, но так говорили те, кто ничего не смыслил в литературе и ничего не знал о нем самом. Его частная библиотека считалась одной из лучших в мире. Люди, которые несколько минут назад подожгли чердак, забравшись через слуховое окно, прекрасно об этом помнили. Кто-то скажет - какое кощунство. А он сам сказал бы - какое невероятное совпадение.

Человек взял что-то со стола и спрятал во внутренний карман пиджака. Он мог уйти в любую из библиотек, он был достаточно силен для этого. Он мог выбрать самую непритязательную – высоко в горах, в испанском монастыре, где хранятся одни только книги по богословию. Где сейчас ночь, хотя даже днем там никому не будет до него дела. Плохо одно – люди, что затеяли пожар, знают, куда он пойдет. А потому будут сжигать одну библиотеку за другой, пока его не найдут. Таково было их слово. Такова была их логика. Не надо было писать того, чего не надо было писать. Не надо было...

Человек глубоко вздохнул. Сжал виски. Зажмурился. Вытянул руки перед собой и легко, без усилий раздвинул уже ставший почти раскаленным воздух. Обернулся и с глубокой тоской глянул за окно. Солнце присело в последнем, ослепительном реверансе.

8. Анютины глазки

С тех пор, как Глеб рискнул дотронуться до ручки обшарпанной двери с объявлением, а затем спуститься вниз по каменным ступеням, день безнадежно

перепутался с ночью. Время остановилось. Он не спал, не ел, а только и делал, что составлял книги в ряды, нимало не задумываясь, как это у него получается. Его больше не удивляло то, что когда он брал какую-нибудь книжку в руки, то мог, закрыв глаза, смотреть ее, словно фильм. Фильмы были разными, и, честно говоря, не всегда интересными. Самому себе он временами казался маленьким кусочком библиотечной пыли, что случайно закатилась за книжный шкаф и благодаря порывам воздуха от открываемой и закрываемой двери бесшумно скользит то тут, то там, перекатываясь по книжным просторам. При мысли об этом Глебу делалось смешно – в хранилище не было ни пылинки, оно было идеально чистым, хотя здесь никто и никогда не делал уборку. Прошло время, и весь первый стеллаж оказался заполненным от пола до потолка. Глядя на него, Глеб старался не думать, как он умудрился забраться на такую верхотуру, и что он вообще тут делает. Так или иначе, вскоре с буквой "Я" было покончено. В самом низу располагались свежие, недавно вышедшие произведения в жанре фантастики, которые, вероятно, либо вовсе никто не хотел читать, либо про них слишком быстро забыли. У Глеба в голове вертелось множество вопросов, но задать их было некому. После того странного падения коренастая бабушка в пуховом платке, с татарским именем Альфинур, задала новичку взбучку, велев впредь без разрешения не совать нос в чужие разделы, а Молекула и вовсе не показывалась на глаза, будто пряталась. Глеб старался не думать об этом, а просто методично расставлял книги. Со временем у него это стало получаться все лучше, все ловчее, все быстрее. И только Анюта не выходила из головы.

- Ай, молодца! – хлопнул его по плечу Прохор Сергеевич, придирчиво осмотрев плоды труда.

Любитель поэзии заговорщически подмигнул и плотоядно потер розовые детские ладошки.

- А чего не приходишь? И сам в гости, так сказать, не зовешь?

Глеб обескуражено улыбнулся. Почему-то ему отчаянно захотелось попросить этого человека сбегать за пивком. А потом хорошо бы посидеть с ним на кухне. Он живо представил себе, как Прохор Сергеевич, пьяненький, стал бы под гитару петь свои полные глупых сентиментальных штампов стихи. Прохор, пританцовывая тапочками, заглядывал в глаза, будто собачка, выклянчивающая конфетку.

- Поди у тебя интересно там, жуть. Покажешь, а?

- Э-э-э, в другой раз, - испуганно засуетился Глеб, удивляясь самому себе, а заодно и своим словам, - работы по горло.

Прохор посмотрел на парня с уважением, но немного странно, тоскливо и с легким чувством досады.

- Понимаю, - безрадостно буркнул он и отбыл восвояси.

Оставшись один, Глеб обхватил голову. Ему почему-то стало противно. Как он докатился до жизни такой? Прохор напрашивался в гости? Но куда? И почему его при этом охватило чувство такого жуткого беспокойства? Просто-таки настоящей жадности? Глеб потряс головой. Вот бы все бросить, и вправду взять пива, посидеть с ребятами в парке, поглазеть на девчонок. В животе заурчало. Однако стоило глянуть на гору книг под ногами, как кроме них в голову больше ничего не приходило. Глеб понемногу научился чувствовать книги, оценивать их содержание с первого взгляда на обложку. Теперь он точно знал цену каждой и понимал, где ее место. Литература в его сознании перепуталась с жизнью. Фантастические сюжеты книг постепенно

вытесняли реальные воспоминания. В конце концов, ему стало казаться, что информация обо всех возможных и невозможных, даже самых чудовищных по своей нелепости вариантов развития любых фантастических событий, где бы и как они не происходили, - у него в крови.

Нижняя полка третьего стеллажа медленно, но верно подходила к концу, когда Глеб сидел, прислонясь спиной к деревянным ребрам квадратного животного и пытался сосредоточиться. Для чего он здесь? Зачем пришел? И откуда? Глеб потер лоб. Ничего не приходило на ум. Тогда он закрыл глаза и попытался полностью расслабиться. И вдруг спина его снова не почувствовала опоры. Он опять ощутил странное, на сей раз стремительное и щемяще-сладкое чувство падения. Спустя некоторое время Глеба как и в прошлый раз отбросило вправо, точно он ехал на салазках по проторенному пути. Когда затылок, наконец, почувствовал неровность ковра, он медленно открыл глаза. Мучительного чувства на сей раз не было. Аня сидела на полу возле стеллажа с книгами, перекрестив ноги. Прямо у нее над головой, обескуражено и виновато улыбаясь, зиял оскал пустой полки. Руки девушки были сложены на коленях, обтянутых подолом кружевной юбки. Большой и указательный пальцы сведены. Глеб пошевелился. Аня вздрогнула, быстро спрятала книгу, что, нераскрытая, лежала перед ней на полу, и вскочила на ноги. К его собственному удивлению, и Глебу удалось довольно быстро подняться.

- Привет, Аня, - весело сказал он, отряхиваясь неизвестно от чего и глупо улыбаясь. – Помнишь меня?

Девушка беззвучно пошевелила губами, будто шепча заклинания в попытке отогнать нечистую силу.

- Добрый де..., ве..., ут..., - сбивчиво пробормотала она и в смущении закрыла ладошками глаза.

Глеб развязно засмеялся и небрежным тоном осведомился.

- Медитируем?

Анюта, вспыхнув, поспешно задвинула книгу ногой. Потом бойко потряхнула упавшими на лоб кудряшками.

- У меня папенька послом служил. Он мне рассказывал...
- Про йогу? – будничным тоном спокойно продолжил Глеб, не сводя пристального взгляда с милого округлого личика.

Среди его сокурсниц увлечение йогой было повальным. Анюта же почему-то страшно смутилась, будто ее застали за чем-то неприличным.

- Да. А тут вот... Как раз книга попалась.
- Попалась? На санскрите? – хитро поинтересовался парень, прекрасно отдавая себе отчет в том, что в разделе, где служила Анюта (старомодные дамские романы), книг, именуемых "Пранаяма-прадипика" водиться не может.

Анюта опустила глаза и из-под ресниц осторожно поглядела на Глеба.

- Шпионить изволите? – с вызовом фыркнула она, кокетливо поведя плечиком. – С докладом пойдете? Ну, и пожалуйста.
- Как поживаешь? - игриво поинтересовался Глеб, игнорируя ее колкости, и оперся плечом на стеллаж.
- Да вы что! – взвизгнула девушка и всплеснула руками. – Ничего здесь не смейте трогать!
- Почему? – опешил парень, но, тем не менее, опасливо покосясь на свое плечо, послушно отодвинулся.

- Не знаете разве? Вы же из того же хранилища, что и я. Только...
- На тыщу лет вперед, - задорно хохотнул Глеб.

Анюта поморщилась.

- На 100, не пижоньте. Вы же не волшебник. И вам тут ничего нельзя трогать, - голос ее зазвучал не на шутку взволнованно.
- Да что ты тут охраняешь, такого ценного? – Глеб схватил с полки первую попавшуюся книжонку.

Книжки-соседки тут же сползлись друг к дружке, заполняя пробел. При этом Глеб физически почувствовал, как пространство вокруг него съежилось - немного, самую капельку. Ему стало нехорошо – будто уменьшился он сам. Он с первого взгляда понял – дешевое бульварное чтиво, однако, с заголовком, что называется, прямо в точку. "Анютины глазки". Глеб радостно воскликнул.

- Гляди, это ж про тебя!
- Сумасшедший! – прошептала девушка.

В глазах ее застыл неподдельный ужас.

- Да брось, - его вдруг охватил такой подъем, про который обычно говорят "человека понесло".
- Слушай, а хочешь настоящие анютины глазки, а? У такой девушки как ты, должны на полке стоять цветы. А вовсе не книги про цветы!

"Ну, вот опять. Дались тебе эти цветы", - с досадой заклокотала капля здравого смысла в сознании Глеба, но была тут же задавлена грубой, неравной силой – отчаянным желанием выпендриться. Парень весело оглядел анютин стеллаж с барахлом. Потом, ясно представив, как это делала Молекула, он свел руки к груди и, с силой толкнув воздух, развел его в стороны, будто отодвинул от себя ту реальность, в которой находился.

- Айда со мной! - он подмигнул девушке, с удовольствием отметив про себя, что по лицу той скользнуло выражение отчаяния вперемешку с восхищением, и смело шагнул вперед.

Тут же в лицо хлынули сразу все ветры мира. Глеб не без труда глубоко вздохнул и с усилием сделал еще одно движение. Воздух стал цветным. В мозг ударили миллионы чужих сознаний. Миллиарды образов, невероятное количество жизней. Ужас был в том, что он чувствовал их все одновременно. Впустил в себя, и они хлынули чудовищным, невыносимым потоком. Все сразу. Гигантская неразбериха, жуткое месиво из чувств, обстоятельств, событий. Глеб почувствовал, что если это сейчас же не кончится, он умрет. Он скривился, охватил голову руками и к собственному удивлению побежал. Земли под ногами больше не было. Чужие слова струились сквозь него, словно он был пустой, прозрачной трубкой. Тело колотила дрожь. "Нужно что-то сделать, нужно успокоиться," – твердил он сам себе. Но эта здравая мысль немедленно тонула среди прочих, не успев как следует оформиться. "Мне нужны анютины глазки," – с упрямством умирающего барана, который не желает сойти с тонущей лодки, твердил Глеб. Он попробовал остановиться. Постепенно круговерть вокруг тоже стала замедляться. На виски давило нечто чужеродное. В нос шибало невозможной смесью запахов. "Мне нужны анютины глазки. Неужели в целом свете нет никому не нужной книги про анютины глазки?" Спустя вечность Глеб различил смутные очертания человеческой фигуры. Еще один силуэт. Еще. Люди, неподвижные, как куклы, словно вырезанные из бумаги, проплывали мимо. Дом. Вот оно. Стоп. Горшок с каким-то мутным цветком на едва различимом, тусклом силуэте окна с проседью дождя. Глеб потянул руку и с силой дернул фрагмент посторонней

реальности на себя. Резко развернулся и, преодолевая невероятно тягучее, каверзное пространство, с трудом двинулся обратно.

Он вышел из стеллажа коряво, неуклюже, словно потревоженная статуя, выпадающая из ниши. Боковым зрением он успел увидеть расширенные, полные страха глаза Анюты, кинуть ей книжку с фото-обложкой с крупными, ярко-розовыми цветами и, кажется, подмигнуть. Словно вырезанная из разноцветного картона мультипликация, книга с цветком, искрясь и переливаясь, шлепнулась прямо в руки ни живой ни мертвой девушке. Затормозить и тем более остановиться Глебу не удалось. Падение продолжалось, словно во сне. Таким измученным и усталым он никогда еще себя не чувствовал. Тело онемело. Когда он, наконец, смог открыть глаза, то увидел, что на этот раз вокруг него, лежащего на полу, столпилось множество самых разных личностей. Он увидел встревоженное длинноносое лицо рыжего почти-соседа. Молекула что-то кому-то горячо доказывала. Альфинур, будто курица, хлопала себя по бокам и визгливо требовала прекратить этот беспредел, крича и причитая, что у нее тут не проходной двор. Трезвучие, порывы выпучив глаза, тупо тарашилось на правый бок Глеба, тот, которым он облокотился на стеллаж 100-летней давности. И только спустя некоторое время он понял, что Марьян Валерьянна зло и сильно, с размаху лупит его по щекам.

9. Гений Осипович

Теперь Глеб чувствовал себя в хранилище, среди книг, словно посаженный в банку скат. Ему стало тесно. Тянуло в море. Он догадался, что впервые в жизни побывал там, куда его безуспешно тащила Молекула – в Б-

пространстве. Привкус новой реальности, невозможные ощущения до сих пор сладким трепетом отдавались в теле. Глеб работал со страшной скоростью, пожалуй, невозможной нигде в другом месте, кроме этого. Таких подвигов он и сам от себя не ожидал. Пятый стеллаж был почти готов, когда случилось невероятное – прибыл посетитель. Глеб видел этого человека, которого на полном серьезе звали Гением Осиповичем, в университете. Где тот преподавал философию. Смысл его странного имени студенты в полной мере обычно постигали при сдаче зачетов. В такие моменты, когда педагог был в ударе и обличал нерадивых недоумков, не способных отличить Канта от Фрейда, казалось, что земля, наконец, обрела человека, разгадавшего тайну бытия. Да и небытия заодно. Гений Осипович хозяйничал в дебрях философских теорий, течений и гипотез с осведомленностью мышки-полевки, что проверяет запасы, рассованные по лабиринтам собственной норы. В самых тайных закутках этой норы к ужасу учеников Гений Осипович щелкал учения и догмы, словно семечки.

Роста профессор был исполинского, обувь носил 45 размера, и щеки его были неизменно покрыты румянцем. А между тем преподаватель был стар, очень стар. Ходили слухи, что в свое время он даже пережил лагерную ссылку, куда был от греха подальше спроважен за свою излишнюю идеологическую осведомленность. Еще он был серьезно болен. Глеб сам не раз наблюдал, как бедняга, едва передвигая громадные ноги, ползет по коридору второго этажа. Жаль, никому из университетских не довелось наблюдать, как он перед этим вышел из философского раздела хранилища веселой, бодрой и легкой походкой.

- Марьяна попросила меня поговорить с тобой, - без лишних церемоний тягучим басом пояснил он, усаживаясь рядом с юношей на бордовый, плюшевый диван.

Глеб покосился на свое правое плечо, где футболка вся почернела, и немного отодвинулся. После истории со злополучным цветком на фотообложке он побаивался директора, и даже ее имя заставляло его нервно вздрагивать. Стоило Глебу вспомнить ее гневно блестящие из-под очков глаза и звонкие пощечины, как ноги подкашивались сами собой. Пару раз он даже подходил к разделу юридической литературы, чтобы объясниться или, на худой конец, просто поговорить, но все время натывался на равнодушные книжные корешки с замысловатыми названиями, сквозь которые ему смутно слышался монотонный бубнеж. Войти в чужое Б-пространство без разрешения хранителя Глеб побоялся. Ему было тоскливо и одиноко. Иногда, когда он отрывался от работы и поднимал голову, вообще начинало казаться, будто во всем огромном хранилище кроме него никого больше нет, и здесь хозяйничает одна лишь Тишина.

- Как себя чувствуешь? – поинтересовался профессор, с интересом изучая лицо собеседника.

Они сидели на том же диване, и Глебу показалось, что он снова попал на что-то вроде собеседования, только рангом повыше. Гений Осипович выжидающе выпятил нижнюю губу и переплел у себя на животе пальцы рук. Глеб потер глаза.

- Мне кажется, я уже неделю не спал.
- Ты уже неделю не спал, - с удовлетворением кивнул преподаватель. – Зато проделал огромную работу, к которой до тебя никому не

удавалось даже близко подобраться. Это многое значит. Не чувствуешь ли ты еще чего-нибудь? Ты выглядишь бледным.

- Я бы вышел прогуляться, - Глеб скривился и поскреб покрывшуюся щетиной щеку, - пива охота. И поесть.

Философ озадаченно помолчал.

- Ты ведь был в Б-пространстве?

Глеб вяло кивнул.

- Как тебе твой раздел?
- Да я вообще читать не очень люблю.

Профессор, изобразив на лице легкое изумление, откинулся на спинку дивана.

- Ты, сам не зная каким образом, расставил в безупречном порядке книги, побывал в параллельной реальности и после этого тебе все еще хочется пива? – тихим, зловещим голосом, напомнившим Глебу ехидный вопрос декана, констатировал он. – Ну, дела.

На диване повисла насыщенная ожиданием пауза. Глеб вздохнул.

- Однако больше всего беспокоит не это, - продолжил гость после некоторого раздумья. – Беспокоит глубина, на которую ты вошел. Причем, если учесть, что делал ты это впервые.

Гроза студентов поджал нижнюю губу, снял очки и повертел их в руках.

- Ты вошел в чужое Б-пространство. Однако, это тоже не самое страшное. Твой стиль поведения. Резкий, бесцеремонный, легкий, почти органичный. Будто ты пинком открыл дверь в соседнюю комнату. Вот что странно. И мы все это почувствовали. Я хотел бы знать, что произошло.

Вспомнив анютины глазки, Глеб покраснел и решил, что ни за что не станет отвечать на этот вопрос. Это никого не касается.

- Поэтому директриса на меня так взъелась?
- Марьяна перенервничала. Почувствовала неладное. Испугалась, что совершила ошибку, когда взяла тебя на работу. Видишь ли, с недавних пор в нашем уютном мирке творятся необъяснимые вещи. Явно что-то перепуталось в разделе фантастики. Однако если тебе удастся расставить книги по местам, все образуется. После собеседования Марьяна была уверена, что ты не полезешь дальше верхней полки, поэтому даже не стала проводить инструктаж, как со всеми новенькими, а просто попросила Прохора за тобой приглядеть. Она тебя сильно недооценила.

Гений Осипович помолчал и критически оглядел потолок.

- Однако, что было, то было. Сейчас гораздо важнее, чтобы ты научился с уважением относиться к тому, чего пока не понимаешь. И совершенно очевидно, что тебе нужен более опытный и сильный инструктор. Пошли!

Профессор быстро поднялся и легкой, молодой походкой направился в следующий, параллельный ряд к стеллажам возле колонны с надписью "Философия". Он остановился возле одного из них и напряженно засопел.

- Дурошлепство и безбашенность, - сквозь зубы процедил преподаватель, покосившись на Глеба, - отнюдь не самые достойные твои проводники здесь. Важно почувствовать.

Затем он резко выбросил руки вперед. Глеб медленно и неохотно сделал то же самое.

- Б-пространство – весьма зыбкая, непостоянная, все время меняющаяся реальность. Это своего рода коллективный разум. Книжный разум, заметь. Входить в него человеку нужно так, чтобы ничего не потревожить. Здесь есть очень редкие книги. Думаешь, если книгу не читают, так сразу она плохая? Как бы не так! Такие есть монстры, что огого! Мы очень мало знаем о том, что там происходит, поэтому наша задача – сберечь его, позволить ему существовать, течь и изменяться. В Б-пространство сначала заходят из любопытства, и лишь потом, ощутив его значение, пропитавшись им, хранители понимают, что это за могучая штука на самом деле.

Глеб посмотрел вверх. Руки затекли. Стоять было неудобно. Ладони покалывало. Однако самыми кончиками пальцев он вскоре действительно ощутил некую границу, будто бы витающую в воздухе незримую жидкость. Гений Осипович с видимым усилием раздвинул несуществующие шторы, за которыми прятался другой мир, и строго посмотрел на Глеба.

- Никаких резких движений. Стань плоским, стань ничем, забудь про свое тело. Растворись. Двигайся медленно. Тогда увидишь и ощутишь его. И будь все время с краю, возле меня. Все-таки это мой раздел.

С этими словами профессор вошел в стеллаж и растворился, будто бы никогда и не стоял здесь, на этом ковре. Глеб зажмурился и следом за ним сделал самый маленький шаг, на который только были способны его драные кроссовки.

10. Техника падающего листа

Ощущение было таким, будто стоишь на вершине перевала. Воздух тек вокруг тела величественно и печально, разделяясь на многочисленные русла. Глеб почувствовал себя куском масла в кастрюле со спагетти.

- Разве не прекрасно? – Гений Осипович, неожиданно, возникший в ту же секунду рядом, вздохнул полной грудью и осторожным движением раскинул руки в стороны.

Двигался он плавно, точно при замедленной съемке. Глеб почувствовал, как в мозг медленно начинают просачиваться чужие мысли. Как же их много. Какие они противоречивые. Глеб застонал. Нет, только не это! Он ненавидел долгие копания в себе, и не понимал людей, способных на глубокие размышления. "Нужно срочно что-нибудь сделать," – решил он и приготовился дать деру.

- Не двигаться! – рявкнул учитель, который все еще стоял, раскинув руки и подставив лицо воображаемому солнцу. – Впускай их по одной.
- Чего? – скривился Глеб, переминаясь с ноги на ногу, так как ему мучительно хотелось побежать или хотя бы сделать пару прыгучих шагов.
- По одной, как ниточку. Продевай через себя, будто бы сквозь игольное ушко.

Парень поежился. Мысль о том, что что-то постороннее будет копошиться в его голове, показалась ему отвратительной.

- Б-пространство – это мир мыслей и чувств. То, из чего состоят книги. Сплав творчества и душевных усилий, своеобразная совокупность аур авторов. Это драгоценное наследие. Сосредоточься! Откройся. Стань

пустым. И в то же время не позволяй полностью себя захватить. Держи себя в руках. Оставайся собой. Смотри. Слушай!

Глеб зажмурился. "Что-нибудь простенькое, пожалуйста, какую-нибудь нехитрую мыслишку, - умолял он, - А не то у меня крыша съедет". В этот момент он отчетливо понял, что если бы ему посчастливилось дожить до зачетов по философии, то его голова точно превратилась бы в кипящий чайник.

- Готов? – нетерпеливо крикнул Гений Осипович.

- М-м-м, - выдавил Глеб и, хотя никакой готовности в себе вовсе не чувствовал.

Он бодро соврал.

– Вроде.

- Ты на горных лыжах когда-нибудь катался?

- Пару раз.

- Есть такая "техника падающего листа". Влево-вправо, тихо, осторожно, медленно, как лист падает осенью с дерева. Тяжело, нехотя, спокойно. Поворачивайся боком, скользи. Раздвигай воздух, а не рви его. Попытайся ничему не помешать. И ничего не трогай! Держи мысль внутри, ту, которую поймал. И... поехали. Так ты постигнешь не только то, что написано, а еще и то, что действительно хотел сказать человек, который эту книгу написал. Почувствуешь его настроение. А заодно словишь кайф.

Гений Осипович заговорщически подмигнул и медленно поднял ногу. В тот же миг его словно смыло водой, будто бы размазало по плоскости. Глеб приоткрыл один глаз, затем другой и двинулся следом. И вправду, казалось,

будто он ехал с горы – туда, сюда. С равновесием было туго – шатало в разные стороны, он пожалел, что не послушал учителя, и не удосужился уцепиться за какую-нибудь хилую теорийку. Словно щупальца огромной твари или строптивые кони, написанные книги тащили беднягу в разные стороны. И это уже были не те жалкие книжонки по фантастике, что, никому ненужные, томились в хранилище. Здесь, в самом глубоком Б-пространстве, и вправду обитали настоящие монстры. Здесь, на дне жили книги которым люди постоянно перемывали кости. И им уже никакие хранители не требовались. Через фильтр в поле Б-пространства (библиотеку) стекает только востребованная информация, та, которая нужна, которой постоянно пользуются люди. То, о чем говорят и пишут. То, чем живут. А та, что остается ненужной, оседает на полках.

Он все больше и больше набирал скорость. Казалось, голову вот-вот разнесет на части от обилия противоречивых идей, и бедный несостоявшийся студент сойдет с ума, кубарем скатившись с философского Олимпа в омут бессознательного. Незадолго до того, когда он понял, что дело совсем плохо, Глеб вдруг с отчетливой холодностью подумал, что ему надоело играть в эти дурацкие игры. Тряхнул головой, ощутив в ней необычайную, звонкую ясность, развернул плечи и, плюнув на всяческую осеннюю сентиментальность, прыгнул, оторвавшись от поверхности, чем бы та ни была. Сразу же стало легко и весело. Вселенные мелькали, гасли, сливались, сталкивались, распадалась. Однако совсем скоро Глебу пришлось затормозить, наткнувшись на что-то твердое.

- Вот кабан, - с легким удивлением сообщило эхо голосом Геня Осиповича.

И его как следует встряхнуло.

Затем что-то могущественное развернуло горемычное студенческое тело на 180 градусов и в один миг вышвырнуло вон. Глеб вылетел из стеллажа, как пробка из бутылки, больно ударившись головой деревянную полку из располагавшегося напротив раздела "Кулинария". При этом ноздри его защекотал приятный запах свежееиспеченного хлеба. Гений Осипович, злой, как черт, резким, сильным движением, поднял ученика за шиворот и поставил на ноги. Глеба шатало и тошнило. В глазах было темно. Во рту обитали зловещие духидохлых кошек целого мира.

- Ты! – прошептал преподаватель с плохо скрываемой яростью, пожирая взглядом лицо юноши. – Что делаешь? Я тебя, селедку, еле вытащил. Еще немного, и было бы мне не дотянуться. Там чужое, другое... Изначальное...

Там замыслы, там смысл, там истина, там суть.

Гений Осипович задохнулся и, презрев всяческий этикет, со злостью плюнул на ковер. Он отшвырнул Глеба от себя и стал гигантскими шагами мерить пространство от одного стеллажа до другого. Парень с наслаждением растянулся ничком на полу, вытянув трясущиеся колени и зарывшись в ладони лицом.

- Почему я здесь? – спросил он тихо. – Молекула сказала, в хранители попадают те, кто работает в библиотеках или книжных магазинах.
- Да, эти люди так погружаются в свою работу, в самую ткань литературного пространства, что в конце концов теряют связь с реальностью. Никто из нас не может вернуться к нормальной жизни.

Глеб встревожено поднял голову. Сказанное ему вовсе не понравилось.

- Но вы же преподаете в университете?
- Я уже много лет оттуда не выходил. Никогда с тех самых пор, как вошел в эту дверь, спустился по каменным ступенькам. Моя работа в университете – следствие сложившихся обстоятельств, необходимое условие моей жизни и моя большая любовь. Но с каждым годом мне становится все труднее ходить по коридору, заходить в кабинеты. Я живу в библиотеке. Правда, никто не знает об этом.

Гений Осипович, немного успокоившись, опустился рядом с ним на пол, тяжело дыша, и похлопал парня по руке.

- Надо подумать, - глухо сказал он и, сняв очки, вытер широкой ладонью покрывшееся потом румяное лицо. - Учитывая твои щекотливые обстоятельства... И наши сложившиеся... Эти книги не мог расставить неопытный сотрудник. Ты должен понимать, что речь идет об очень особенных людях. Тех, которым нет дела до обычной жизни, погруженных в свой специфический мир. Но объявление прочитал ты. Неуч и оболдуй без тормозов. Думаю, потому, что в первую очередь разделу фантастики нужен был человек соответствующего духа, однако со свежим взглядом, бесстрашный и умеющий нетривиально мыслить.

Глеб напрягся. Он все еще думал о том, что профессор сказал до этого.

- Так вы пришли не по улице? Вы что, можете ходить...
- Из своей библиотеки в хранилище. Из одной библиотеки в другую. Правда, недалеко. Хотя считается, что я обладаю недюжинной силой.

Он пристально посмотрел на Глеба и, нервно хохотнув, дружески боднул его плечом.

- Но, похоже, мне далеко до тебя, орла.
- Что здесь происходит? Объясните! Пожалуйста!

Гений Осипович вздохнул.

- Плохо, что я не успел поговорить с твоим предшественником. Полагаю, он хоть что-то мог бы пояснить.

11. Бегство

Огонь был повсюду. Полыхал воздух. Серый, дорогой костюм быстро истлел. Сгорела седина на висках. Пошла прахом вся прошлая жизнь. Человек с изящной фигурной бородкой стоял и смотрел со стороны, будто в зеркало, как он сам медленно, но верно превращается в тень. И думал о том, как сильно мир вокруг него изменился за последнее время.

Начинал он как простой телерепортер, мальчишка на побегушках. Сорок лет спустя его имя знал весь мир. Он раскапывал невероятные, невозможные и, тем не менее, реально существующие факты с азартом фокстерьера, ворошащего лисью нору. Он всю жизнь искал, доказывал, боролся, побеждал. Был, по выражению прессы, самым великим беспредельщиком всех времен и народов. Порой его речи походили на бред сумасшедшего, который тем не менее через определенное время становился неоспоримым фактом. Были люди, которые считали его пророком. Несомненно, он являлся кумиром для миллионов. Вокруг него со скоростью паров, выбрасываемых гейзерами, возникали и гасли скандалы и слухи. Впрочем, его самого они мало интересовали. Вечно в пути, вечно в поиске, он рыскал по свету, гоняясь за сенсациями, будто котенок, играющий с бантиком. По большому счету он всегда был одинок. Ни один его брак нельзя было назвать нормальным. Этот

человек словно притягивал к себе умопомрачительные вещи, которых не может быть. И, казалось, именно вслед за ним, за его репортажами и книгами о странных событиях изменялась сама реальность. Открывались новые технологии, обнаруживались неизведанные уголки природы, населенные чудо-флорой и фауной. То, что раньше считалось фантастическим и несбыточным, благодаря ему постепенно становилось обыденным. Он был репортером с большой буквы. Вскоре человечество обрело невероятную мощь, когда стало казаться, что, наконец, обуздана сама вселенная. Высказывались опасения, что вскоре больше будет не о чем мечтать. Однако он всегда раскапывал что-нибудь новенькое, первым исследовал его и передавал свое открытие людям.

Это был человек-ключ, который поведал миру несметное количество захватывающих историй. И про него и про его приключения также было написано множество книг, среди которых не было ни одной на самом деле правдивой. Та, последняя, которую он по некоторым причинам писал вовсе не для того, чтобы ее издать, оказалась самой невероятной из всех. Если бы человек, которому удалось случайно прочесть отрывок – его последняя пассия, девчушка, как оказалось, весьма пронырливая и проворная, которая продала эту информацию весьма неприятным и тем не менее весьма могущественным людям – не поверила, а только рассмеялась бы, никакой беды не случилось.

Однако все давно привыкли к тому, что все, о чем бы он ни обмолвился, становится источником сенсаций. На этот раз сенсация касалась краеугольного камня бытия, извечной мечты человечества – перемещения в пространстве. Если тайна будет раскрыта, жизнь планеты перевернется с ног на голову. Девушка быстро сообразила, что играет по-крупному. Позже, как

она ни вилась, ей не удалось найти флэшку – крохотную металлическую пластинку – куда был записан весь файл, показалось, что все и так ясно, хватит и пары страниц его книги, тех, что она успела мимоходом прочитать ночью на мониторе, пока он спал, утомленный и расслабленный. Ее осенила роковая догадка, что, несмотря на кажущуюся невероятность, есть шанс, что все написанное – правда. Она вспомнила, как пару раз сама видела этого блестящего человека, появляющегося внезапно и стремительно в самых разных местах. Не переставая удивляться, она всегда думала, что невозможно передвигаться с такой скоростью. Теперь же, сообразив, где собака зарыта, проныра сделала выбор. За один час стала очень богатой и самостоятельной, ни от кого не зависящей леди. А потом со скоростью белки, мелькающей в вершинах сосен в солнечный день, пропала.

О том, что случилось, он узнал немедленно, на следующий день. Его оповестили. Его поставили не перед выбором, а перед фактом – он передает информацию. Он понял, что сделать это означает обречь жизнь на земле не просто на бездуховность, а на вымирание. Он проклинал себя за несдержанность, за то, что был небрежен, за то, что не удержался и все-таки написал эту злосчастную книгу. Как бы там ни было, это случилось. Хранить в голове ТАКУЮ информацию больше не было сил. Она разъедала мозг. Потому что была логическим продолжением всего, что случилось с человечеством за последние годы. Однако одно дело написать книгу, а другое – ее опубликовать. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы эту информацию прочитал кто-нибудь еще. Плохо то, что он не знал, как много из его рукописи стало известно. Судя по заявлению, что в его поисках будет сжигаться одна библиотека за другой, девчушка успела прочитать не слишком

много. По счастью, похоже, пока что никто не узнал, что он может, если нужно, передвигаться не только в пространстве. Но и во времени.

Поэтому этот человек убегал. Оставляя позади себя свое прошлое так быстро, как только было возможно.

12. Драпаем с кассой

Наконец, подоспело время, когда Глеб расставил по своим местам все позабытые книжки, плохие и хорошие, за исключением только одного стеллажа. Осталась буква А. На самой нижней полке, там, куда он сам ее когда-то засунул, смутным напоминанием неизвестно о чем, висела куртка. То, что он добрался до куртки, по всей видимости, должно было означать завершение работы. Однако ставить авторов на букву "А" Глеб пока не торопился. Он интуитивно чувствовал, что когда голых стеллажей не станет, к Аннушке ему будет уже не пробраться. Не без гордости оглядев плоды своего труда, Глеб похлопал костлявую голову деревянного животного, брюхо и хвост которого уже были до отказа нафаршированы фантастическими историями, и пошел прогуляться. Тайная мысль о том, как бы ему попытаться выбраться наружу, все еще не давала покоя.

Марьян Валерьян стояла спиной к дивану и пересчитывала монетки. Глебу вдруг стало весело. Он представил, как директор хранилища устроила всю эту кутерьму с падающими книгами, чтобы прибрать к рукам несметные антикварные сокровища.

- Драпаем с кассой? – неудачно пошутил он и кашлянул в кулак.

Блюстительница законов через плечо смерила беспардонного юнца своим фирменным ледяным взглядом.

- Нет, пытаюсь вот оплатить похороны вашего предшественника, - спокойно ответила она и поджала губы. – Все тянула, но теперь, кажется, пора.

- Похороны? – насторожился Глеб, едва не подпрыгнув на месте.

Марьяна, вздохнув, ссыпала монетки обратно в кассу и защелкнула ее.

- Совершенно очевидно, что на это ничего путного не купишь. Придется еще подождать, - сварливо пробормотала она и нахмурилась.

- Вы сказали, что нужно оплатить похороны? – не унимался Глеб, - расскажите мне, что случилось, как он умер?

- Ваш предшественник? – директор пожала плечами. – Как все. Его не стало. Как когда-нибудь не станет и всех нас. Чудно, однако, он был мужчина совсем не старый. А здесь все живут строго по сто лет. Похоже, с ним по части умирания явно вышел конфуз, и с тех пор у нас все полетело вверх тормашками. Но вам-то что за дело? Вы еще молодой.

Глеб поперхнулся и возмущенно завопил.

- Выходит, мне, что же здесь до ста лет торчать?

Марьяна задумчиво оглядела его потрепанный внешний вид и сухо бросила.

- Надеюсь, нет.

Потом строгая, застегнутая на все пуговицы дама невозмутимо развернулась на каблуках и как ни в чем ни бывало направилась в сторону юридических джунглей.

- Но я почти все книжки расставил, - обиженно крикнул ей вслед Глеб и нерешительно добавил. – На полках идеальный порядок, можете проверить.

Ровная, прямая спина напряглась. Марьяна медленно обернулась и, как тогда, на собеседовании, будто раздумывая, поглядела себе под ноги.

- Здесь никто никого не держит, - тихо сказала хозяйка, - особенно я.

А потом язвительно добавила.

- Ситуация осложняется тем, молодой человек, что отсюда нет выхода. Только вход. – Глеб испуганно сглотнул. – И сюда приходят люди, которые прекрасно это понимают.

Глеба разозлил ее недружелюбный тон. Он догнал директрису, которая снова ускорила шаг. До ее раздела оставалось всего несколько метров.

- Что я сделал? – в отчаянии воскликнул парень, размахивая руками, - почему вы меня ненавидите?

Марьяна остановилась, так, что тот едва на нее не налетел, и пристально посмотрела юноше в глаза.

- Когда я принимала вас на работу, - серьезно сказала она, - то почувствовала, что вы человек случайный. Не наш. Но обстоятельства складывались таким образом, что иначе поступить я не могла. Однако до сих пор не могу себе простить, что упустила из виду одну весьма важную деталь. Лисенок, который ни разу в глаза не видел ни одной курицы, забравшись в курятник, способен переполошить целую деревню.

Марьяна сделала еще один, решающий шаг и с явным облегчением положила обе руки на книги. Почувствовав родную стихию, лицо ее преобразилось.

- Пойдите! – закричал Глеб, поняв, что все внутри у него клоочет от невысказанных вопросов. Как это никто не выходит? Вы врете! А мэр? Я сам видел!

Дама с удивлением очнулась от своих юридических грез, уже начинающих проникать и распределяться по полочкам в ее разграфленном на четкие линейки мозгу.

- При чем здесь мэр? – раздраженно фыркнула она. – Он не спустился дальше третьей ступеньки. И вообще разговаривал со мной на моем втором рабочем месте – в библиотеке бизнес-центра, и по вполне понятным причинам попросил вывести его через черный ход.

Глеб радостно насторожился, словно тот самый лисенок, который почуял, что в курятнике ему будет-таки чем заняться.

- Что ему было нужно? – быстро выпалил он.

Марьяна испытывающе оглядела небритую физиономию и внезапно смягчилась.

- Это мой бывший ученик. Я благодарна ему за то, что он все еще об этом помнит. Ведь я, как и Гений Осипович, когда-то преподавала. Поэтому иногда помогаю ему разобраться с законами.
- Он сильно нервничал.
- Попал в переделку, - усмехнулась директриса, - запутался. Связался с людьми, которые теперь водят его за нос. С этим мерзопакостным комбинатом, который сливает в реку отходы. Подлецы наживаются,

город пьет непригодную воду. Кажется, нет ни единой лазейки, чтобы их приструнить. И выясняется, что документы оформлены таким образом, что ответственность за все происходящее несет лично мэр. Дело всего лишь в одном маленьком юридическом казусе. Когда-то этот завод открывался с большой помпой под патронажем мэрии, но тогда не было той технологии, что используется сейчас, и вроде бы реке ничто не угрожало. Теперь, если правда откроется, ясное дело, все свалят на мэра. Но, думаю, есть маленькая возможность этого избежать, прищучить владельцев, а то и вообще закрыть производство. Это урок. Даже забытые законы иногда бывают весьма полезны.

Дама замолчала и наморщила нос, будто досадуя на себя, что не в меру разболталась.

- Но что же мне делать? – осторожно напомнил о себе Глеб. - Я не могу сто лет! Я хочу вернуться!
- Это невозможно, - устало отозвалась она. – Значит, есть в вас, нерадивом студенте, за всю жизнь прочитавшем не больше пары десятков книг, что-то... Что привело сюда. Попробуйте это почувствовать. Поговорите с Гением, он из всех нас самый опытный. И самый умный.

Марьяна еле заметно, одним лишь уголком рта, улыбнулась.

- Просто динозавр Б-пространства.

Затем глубоко вздохнула, закрыла глаза и пропала. Глеб рассеянно почесал нос и покосился на толстый юридический талмуд, который гостеприимно шевельнулся в его сторону.

- Ну уж нет, - резво отпрянул Глеб.

Ему и в страшном сне не могло присниться, как он путешествует по Б-пространству юриспруденции.

13. Динозавр Б-пространства

Он медленно шел мимо стеллажей. "Магия, астрология". Да, занятно было бы там побывать. "Детективы". За колонну шмыгнул тщедушный тип в черном костюме. Глеб горько усмехнулся. Вот кого надо было бы назначать распутывать весь этот клубок. "Мемуары". "Медицинская литература". При мысли, что таится там, за изнанкой лекарственных корешков, его передернуло. Неужели есть люди, добровольно согласившиеся провести жизнь за изучением чужих тел? "Религиозная литература". "Словари". Глебу показалось, что он отчетливо слышит монотонное бормотание. "Историческая литература". Небось, сплошные битвы да кровавые расправы. Да уж, незавидное соседство. "Философия". Глеб с опаской остановился и в нерешительности покачался с пятки на носок. Рваный кроссовок жалобно пискнул. Больше желания соваться во владения гения философии у него не было. Глеб почесал затылок. Как бы его оттуда выкурить? Ничего умного на этот счет в голову не приходило. Потом вдруг резко и уверенно, будто по наитию, он повернулся боком и легко, словно нож в мягкое масло, вошел внутрь.

Забавно было очутиться снова в университете. Да еще в таком неоднозначном месте, как библиотека. За время своей бесславной учебы Глеб заглядывал сюда всего пару раз. От посещений остались смутные воспоминания, что здесь воняет пылью и невыразимой скукой. Возвращение блудного сына науки было ознаменовано сдавленным ругательством,

вырвавшимся у Глеба, когда тот вывалился на пол с приличной высоты, больно ударившись коленкой. Подумалось, что, наверняка, тучный Гений Осипович путешествует каким-нибудь другим способом, иначе он под костюмом должен быть весь покрыт синяками разной степени фиолетовости.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что его неуклюжего старта никто не заметил, Глеб стал пробираться к выходу. И вправду несло чем-то ужасно старым и тухлым. Было тихо. Прихрамывая, он по возможности быстро прошмыгнул мимо вытаращившей глаза библиотекарши и, не удержавшись, чихнул. Раз, другой, третий. То ли от чихания, то ли еще неизвестно почему, возле пупка появилось странное чувство. Чем дальше он удалялся от стеллажа, из которого выпал, тем тяжелее ему становилось идти. Б-пространство не отпускало свою жертву, держало крепко. Лоб покрылся испариной, закружилась голова. Стали подкашиваться колени. Глеб встряхнулся и разозлился сам на себя. Что он, барышня что ли, в обмороки падать?! Однако с большим трудом, преодолевая невидимое сопротивление, он выбрался за дверь, в коридор. Прозвенел звонок, и мимо стали сновать девчонки и мальчишки. Смеяться, переговариваться, болтать, шутить, толкаться. Глеб остановился и уперся руками в колени. Незримый шнур, проходящий через пупок, натянулся до предела. Если ноги и руки еще кое-как, с грехом пополам соглашались двигаться дальше, то спина отказывалась наотрез. Глеб, в изнеможении скользя по стене, опустился на пол и понуро свесил голову. В глазах заплясали разноцветные звезды. "Интересно, - вяло подумал он, - что будет, если меня сейчас вынести на улицу?" И тут же почувствовал, что силы, которая могла бы сделать это, просто не существует. То, что ему удалось вырваться из библиотеки, и то, что Гений Осипович до

сих пор преподает студентам ненавистную им философию, ничем нельзя объяснить.

Тем временем профессор, опираясь на стенку, торопливо семенил туда, где чувствовал себя более-менее сносно. Держался он молодцом, и со стороны вовсе не казалось необычным, что старый преподаватель, кряхтя, ползет по коридору в сторону библиотеки, цепляясь за стену. Увидев сидящего на полу Глеба, Гений Осипович застыл и судорожно выпрямился, будто ему в спину воткнули нож. Грудь юноши ходила ходуном, кончики ушей, торчащие из взлохмаченной прически, пылали.

- Вот ведь зараза, - не без гордости фыркнул Гений и неожиданно сильным для столь немощного человека рывком поднял парня за загривок.

Как раз вовремя. Глаза у того уже были готовы закатиться. Глеб беспомощно улыбнулся и дружелюбно помахал перед носом наставника квелой, будто тряпка, рукой.

- А они еще спрашивают, - процедил сквозь зубы преподаватель, - почему я отказываюсь вести уроки на любом другом этаже, кроме этого.

Он встряхнул горе-студента, который волочился и болтался, еле перебирая ногами, словно гигантский шарф на его плече, и потащил к спасительной двери. Пробегавшие мимо ребята испуганно косились в их сторону. Кто-то из парней даже предложил помощь, но профессор решительно мотнул головой, пробурчав что-то невнятное.

- Динозавр, - пролепетал Глеб, в голове у которого к тому времени все совершенно безнадежно перепуталось.

- Чего?! – скривился Гений Осипович, не то от натуги, не то от услышанной глупости.
- Она сказала, вы динозавр, - тупо захихикал парень.

В читальном зале библиотеки Глеб почувствовал себя намного лучше и попросил пить. Гений Осипович только раздраженно махнул рукой и усадил его рядом с собой за парту у окна, подальше от уткнувшихся в учебники студентов. Глеб ословело вытаращился на улицу за стеклом, по которой, как ни в чем ни бывало, ходили люди и ездили машины. Эта столь обыденная картина показалась ему сценой из фантастического романа.

- Ну, - строго прикрикнул профессор, - рассказывай, герой, зачем явился?

Глеб с трудом оторвал все еще затуманенный взгляд от окна. Сказочно прекрасная девушка, легкомысленно помахивая сумочкой, как раз переходила дорогу. Он с трудом переключил внимание на одутловатое, морщинистое лицо преподавателя.

- Расскажите, что случилось с тем, кто работал до меня. И как Марьян Валерьян собралась оплачивать его похороны, если никому из нас нельзя выходить наружу?

Гений крикнул и воровато огляделся. Прилежные, не в пример Глебу, студенты в читальном зале сидели тихо, низко склонив головы над книжками. Кое-кто из них увлеченно строчил в тетрадке. В противоположном углу две подружки, ахая и хихикая, листали глянцевого журнала.

- Ну, - осторожно сказал он, - мы же с тобой здесь. Обычно я или Марьяна просим кого-нибудь из коллег по работе купить нам то, что

нужно. Что случилось с Лавриком, понятия не имею. Он пропал. Я считаю, просто запутался в Б-пространстве, и то его сожрало.

Глеб вскинул испуганный взгляд на наставника, который выглядел совершенно спокойным.

- Нельзя заходить слишком глубоко, - сварливо пробурчал тот, - я же говорил. Что касается похорон, то тут дело обстоит так. Ты наверняка заметил, что когда кто-нибудь во внешнем мире берет книгу из нашего хранилища, то в кассу падает монетка. Эта оплата за то, что в Б-пространство опустились новые идеи. Когда умирает хранитель, кто-нибудь из хранилища обязан сделать то же самое. Купить на свой вкус книгу из его раздела, - он криво усмехнулся и снял очки. – Б-пространство очень подвижно. Случается, кто-нибудь наткнется в библиотеке на старые архивы, опубликует ранее неизданную рукопись, которая завладевает умами масс. Чем больше людей интересуются книгой, тем сильнее она в Б-пространстве. И наоборот, существуют любимые когда-то истории, которые теперь начисто позабыты.

Профессор устало потер воспаленные, красные глаза, нацепил очки, выпятил губу и пристально уставился на собеседника.

- Но ты ведь не о том хотел спросить, верно?

Глеб замялся.

- Марьяна сказала, я не ваш.

Гений Осипович молча, спокойно изучал его лицо.

- Ну, в смысле, я не такой, как все хранители. И она меня ненавидит.

Гений Осипович печально, но твердо отрицательно покачал головой.

- Марьяна Валерьяновна очень ответственный человек. Поэтому она директор этого хранилища, а не я. И она всегда во всем склонна в первую очередь винить себя.
- Мне хочется домой, - перебив его, быстро выпалил Глеб и смутился, будто осмелился сказать нечто крамольное.

Гений Осипович вздохнул и равнодушно поглядел в окно.

- Это странно, - бесцветным голосом проговорил он. – И думаю, это скоро пройдет. У тебя такой интересный раздел.
- А вы никогда не задумывались о том, как отнеслись родные к моему исчезновению? – сердито прошептал Глеб, наклонившись вперед, и сам с удивлением поймал себя на мысли, что впервые подумал об этом.

Профессор рассеянно пожал плечами.

- Не думаю, что тебя кто-нибудь ищет. Семья считает, что ты учишься, а сокурсники – что уехал домой.
- А Молекула? Прохор? Альфинур? Вы?
- У каждого своя история, - по лицу Гения Осиповича на мгновение скользнуло какое-то отчаянное выражение. – Поверь мне, жизнь вовсе не состоит из одних только счастливых моментов. Есть люди, которые выбирают эту смесь из страданий и судорожных, кратковременных вспышек радости. А есть те, кто хочет быть самим собой, - он раздраженно тряхнул абсолютно белой шевелюрой. – Жить в своем мире, по своему выбору, быть свободным. Абсолютно свободным.

Глеб с удивлением глянул на преподавателя, подумав, что жизнь в подвале, среди книг и подавляющей волю тишины вряд ли можно назвать свободой.

- Но важно не это. А то, что сейчас происходит. Твой жанр умирает. Не прожив и двухсот лет.

Вслед за ним Глеб снова жадными глазами уставился на улицу.

- Что я должен сделать? – нехотя выдавил он.

Он боялся признаться самому себе, что теперь, пожалуй, ему становится ясен смысл того нелепого первого собеседования. Глеб вовсе не считал себя героем. Профессор захихикал, словно нашкодивший школьник.

- Всего-то делов. Найти причину бедствия. Устранить ее. Вернуть порядок. Хочешь знать мое мнение? – с легкой сумасшедшинкой в глазах Гений Осипович наклонился над партой. – Кто-то сделал дыру в Б-пространстве. – при этих словах брови у Глеба полезли на лоб, - и оно вытекает наружу. Представь, что будет, когда все фантастические существа, которые описаны в книгах твоего раздела, явятся миру во всей своей красе.

Сказав это, преподаватель с победным видом откинулся на спинку стула и скрестил руки на животе, будто академик, только что представивший собранию кафедры свою небесспорную гипотезу. Он немного помолчал и пожевал губу, глядя в потолок. Глеб почувствовал, как по спине побежала легкая дрожь охватившего его ужаса. До сих пор он воспринимал свое библиотекарство с легкой долей юмора, как некое приключение или развлечение. Ну, захотел, скажем, музыку послушать, окунулся в музыкальный отдел, захотел поплакать – пошел в "Сентиментальный роман". Прикольно?

Еще бы! Теперь ему стало жутко. Не хотелось верить, что все это происходит на самом деле. Может, он попал под гипноз? Спутался с шайкой похитителей людей? Экспериментаторов-психопатов?

- Это произошло не сейчас, - безжалостно продолжал Гений Осипович, разглядывая лицо юноши и вертя большими пальцами у себя на животе. - Не сегодня и не вчера. Мы все пожинаем горькие плоды.

Любитель распутывать философские загадки сделал страшные глаза и прошептал.

- Это произошло в будущем.

14. Кайф

"Ты должен выяснить, что случилось. Твое пространство никого в себя не пускало. Книжки не желали вставать на полки. Появились странные, необъяснимые явления в других разделах. В других временах. Найти причину – означает найти ответ, как все исправить. Я мало чем могу помочь тебе. В твоём пространстве я полный ноль. Я в него не верю. Для меня все, что написано там – чепуха, морок, бред. Соответственно, не смогу быть рядом. И если бы смог, то от меня было бы мало толку, потому что ты моложе, быстрее, а оттого опаснее и глупее меня".

Глеб мысленно поблагодарил Гения Осиповича, на весь университет славящегося своей обезоруживающей прямоотой.

На этот раз Молекула не пряталась. Она стояла возле своих учебников и что-то негромко напевала.

- Здорово, - с ноткой неловкого напряжения в голосе сказала она и опустила глаза.

- Дурацкое настроение, - вместо приветствия ответил Глеб. – Ты говорила, здесь есть веселые местечки. Давай сгоняем куда-нибудь, где ничем не надо голову забивать.
- Марьян Валерьян запретила ходить с тобой в Б-пространство, - сделав круглые глаза, шепотом поведала Молекула. – И вообще велела держаться от тебя подальше. Говорит, ты опасный тип. Хотя поначалу считала, что ты Импот.
- Чего-чего? – ощерился Глеб.
- Ну, тот, кто чувствует Б-пространство, но не может туда попасть. Всю жизнь как бы балансирует на грани.
- А разве здесь есть такие?

Молекула весело фыркнула. Ее явно радовала мысль, что она сама не из их числа.

- А как же. Вовсю хиппует плесень! Например, Альфинур. Она была довольно посредственной писательницей в свое время. Сочиняла всякий бред. Но не смогла, как говорит Прохор, так сказать, нащупать почву. Найти точку отсчета.

Глеб едва удержался, чтобы с пренебрежением, как Гений Осипович, не сплюнуть на пол.

- Зато больше всех разорялась, когда я там у нее побывал.

Он обвел хозяйским взглядом свои уже почти заполненные стеллажи.

- Кому вообще нужен весь этот мусор?
- Не надо так. Это написали люди. Они хотели, как лучше. Здесь много нормальных вещей. Их просто забыли. Или не обратили внимания. Иногда кто-нибудь откапывает их в какой-нибудь библиотеке.

Забирает, публикует. Это тяжело для нас, потому что в таком случае пространство стеллажей съеживается. Зато в кассе появляется лишняя монетка.

Молекула печально улыбнулась, а Глеб вспомнил странный звук, похожий на звяканье колокольчика, когда почти-сосед пожаловался, что кто-то забрал из его раздела атлас.

- Ты-то сама зачем здесь торчишь? – сказал он с вызовом. – Молодая же еще!
- Ну, - Молекула принялась нервно ковырять пальцем какой-то корешок, - я же говорила. Мир чисел и все такое. Высшая математика – она как чистая вода. Как музыка. Как...
- Ерунда, - злобно выпалил Глеб и развернулся. – Так ты идешь?

Молекула выглядела смущенной, но, тем не менее, с твердостью отрицательно покачала головой.

- Ты не понимаешь, - тихо сказала она. – Марьян Валерьян была права. Ты не такой как мы.

Глеб бросил на нее испепеляющий взгляд и припустил бежать. Он добежал до конторки, попробовал подняться по ступеням, но понял, что сделать это ему не по силам, и тогда повернул влево. Он хотел уйти так далеко, как только возможно. Спрятаться. Гори она ясным пламенем, эта фантастика, и все, что с ней происходит. Он сыт по горло. Он почти забыл, что он человек. А нормальные люди не сидят в подвалах неделями. Он не герой. Хватит. Если нет возможности отсюда выбраться, он должен спрятаться. Забраться в какой-нибудь медвежий угол. Например, "Рыболовство и охота". А что, сойдет.

- Э-э! – быстро вышел ему навстречу тип в дождевике. Он согнул колени и широко расставил руки, словно Глеб был фазаном, а он сам загонщиком. – Полегче, приятель!

Глеб бесцеремонно оттолкнул типа и резко, едва взмахнув рукой, вошел в чужое Б-пространство. Здесь ему нравилось. Все было просто. Пахло земляникой. Пели птицы. Плескалась рыба. Глебу захотелось отдышаться. Он остановился. Хорошее место. Глеб собрался прилечь на траву, но вместо этого прекрасная зеленая поляна ушла из-под ног, и грешное тело провалилось в пустоту. Падая, он изо всех сил болтал руками и ногами. Словно безумный калейдоскоп, мимо проносились тысячи разнообразных Б-пространств. Бесчисленное множество. Он понял, что на этот раз перешел все границы. Разогнался так сильно, что уже вряд ли сможет остановиться. Вдруг что-то хорошо знакомое сжало ему сердце. Глеб почувствовал, что поймал что-то важное, будто ухватился за спасительную ниточку. Осторожно, с опаской стал прислушиваться к себе. Звонкий детский смех. Что-то невыразимо приятное, теплое, домашнее, живое. Ему казалось, что он повис на руках, держась за тоненькую, однако прочную леску. Ну, конечно, эту книгу он читал в детстве. Очень любил ее. Правда, никогда не думал, ни тогда, ни сейчас, что автор могла вкладывать в сюжет, в характер каждого героя ТАКОЙ смысл. Старая, зачитанная до дыр история расправила крылья, развернулась перед ним во всей своей мощи. Это было грандиозно. Удивительно. "Заодно словишь кайф," – вспомнил Глеб слова учителя. Вот оно, настоящее сказочное Б-пространство. Потрясающее ощущение счастья, эйфория оттого, что ты, возможно, единственный на всем свете, кому довелось понять истинный смысл написанного, в буквальном смысле слова заглянуть автору в голову.

Медленно, словно троллейбус, зацепившийся рогами за провода, Глеб мысленно скользил по сюжету книги. Вверх-вниз, вправо-влево, как и учил гениальный Осипович. Детское Б-пространство было упоительно, волшебное прекрасно. Вот его любимый момент. Душка-герой спасает героиню. Дарит очаровашке потерянный ножной браслет, а заодно и букетик высокогорных цветов. Цветов. В мозгу немедленно вспыхнул взрыв. Фейерверк. Руки разжались. Мозги съехали набекрень. Анята.

В тот же момент он снова летел в неизвестном направлении. Жуткий ветер сдувал кожу с ребер. Анята. Резкий толчок. Анята. Да что же это такое! Глеб вывалился из стеллажа и сбил с ног девушку, которая стояла в асане, в просторечье именуемой "деревом", прижав одну ногу к внутренней поверхности бедра другой и сложив руки лодочкой у груди. Глаза Аняты были закрыты.

15. Сыщик поневоле

Спустя мгновение Глеб крепко держал ее в объятиях. Тело теплое и гибкое. Загорелая щека пахла молоком.

- Пустите немедленно! Что вы! Да пустите же! – взвизгнула девушка и попыталась, словно змейка, выскользнуть из его рук.

Тут взгляд ее упал на черную отметину на футболке гостя, и она с ужасом уперлась ладошками в его грудь, пытаясь оттолкнуться. Но Глеб держал ее крепко, с восторгом вдыхая пряный, коричный запах выющихся волос.

- Вот мимо шел, - развязно заявил он, наконец, не без сожаления разжимая руки. – Решил заглянуть на огонек. Чайком не угостишь?

Он попробовал повторить свою шутку. Но на этот раз она не сработала. Девушка молчала. Тогда Глеб улыбнулся и вопросительно-заговорщически кивнул на крошечный кусочек чужеродного фрагмента, стоящего на полупустой полке – то, что осталось от медленно истлевающего корешка с анютиными глазками. Затем небрежно облокотился другим, левым плечом о стеллаж. Аня, щеки которой пылали, как цветы пиона, вскрикнула и зажала ладошкой рот.

- О, черт, - спохватившись, Глеб быстро отстранился.
- Я не хочу из-за вас вся почернеть, - тихо сказала девушка.
- А я вон наоборот - согласен обуглиться, - Глеб снова сделал попытку притянуть ее к себе.

На этот раз Аня вела себя тихо, только ресницы ее испуганно подрагивали.

- Нравится тебе тут?

Она совсем по-детски почесала кончик носа.

- Я всегда читать любила. Бывало, проснусь, и за книжку. Все детство в папиной библиотеке просидела. Нянюшке не нравилось, что я глаза порчу. Она даже книги мои прятала. И говорила, что так судьбу свою за книжкой и просижу. Вот и просидела. Что хотела, что и получила. Вообще, что вам за дело?

Аня, рассердившись, снова попыталась вывернуться, однако, на этот раз старалась уже не так притко. Глеб огляделся. Вокруг никого. Серьезно глянул в ее цвета хорошо прожаренного кофе глаза.

- Послушай, как тут у вас, спокойно?

- Какое! – горячо зашептала она. У меня вот, - девушка расстроено кивнула на пустую полку. Книги взяли и куда-то пропали, будто их ветром сдуло. В отделе строительства третьего дня полку перекосило. Мне на голову вот что свалилось.

Тут только Глеб увидел толстенный талмуд, лежащий на полу, по которому Анюта изучала йогу.

- А ты его возвращать не стала, - хитро прищурился он.

Анюта улыбнулась, а потом сделала страшные глаза и, понизив голос, стала говорить очень тихо.

- Директор наш говорит, будто Б-пространство трещинами пошло. Он давеча назад шагнул. На сто лет, как водится. Так, там, не поверите, тоже ерундистика всякая.
- Ты боишься, Анюта?

Девушка возмущенно фыркнула.

- Маленькая была, нянюшки боялась, когда папаша уезжал надолго, она меня грозила в чулан запереть. А как поняла, что шутит, так и перестала.
- Отведи меня, Анюта, к своим, в фантастический раздел. У меня не получается, я все время почему-то к тебе сворачиваю.
- Так это потому что у меня сквозняк! – заулыбалась она и весело щелкнула Глеба по носу.

Потом вдруг стала необычайно серьезной.

- Так вы сами из того самого чудного раздела? Он у нас совсем маленький пока. Его Стеша караулит.

Анюта озадаченно почесала нос, подумала немного, покачала головой, а потом вскинула на Глеба восторженный и одновременно лукавый взгляд.

- Будет меня дурачить! Вы из детективов, поди. На особом задании. Сыщик.

Глеб криво ухмыльнулся.

- Точно. Из детективов. Сыщик. Поневоле.

Девушка выпрямила спину и решительно оттолкнула Глеба. Откинула со лба волосы.

- Пойдемте.

16. След

Раздел фантастики в анютином подвале располагался точно на том же месте, что и у Глеба. Однако размером был всего ничего. Глеб вспомнил, что ему говорили о странных свойствах хранилища съеживаться или растягиваться. Библиотекарь зарождающегося жанра был совсем ребенком. Очкастый парнишка в синем, школьном, мешковатом костюме смешно морщил нос, когда считал, что говорит нечто важное. Впрочем, это касалось любой из его фраз.

- Вот, Стеша, - дружелюбно сказала Анюта, - познакомься, это Глеб.
- Степан, - юный любитель фантастических приключений засопел и с сомнением уставился на дырявые джинсы гостя.
- Сколько у тебя тут барахла-то, - весело поддержал беседу Глеб.

Стеша насупился и приготовился испепелить взглядом кроссовки.

- Фантастика – литература будущего, - с вызовом заявил он, обращаясь преимущественно к чудной обуви гостя.

- Эт, точно! – радостно подхватил Глеб.
- Великий жанр! – не унимался пацан. – Пройдут годы, прежде чем люди это поймут.
- Да будет тебе, Стеша, - похлопала его по плечу Аня, а Глебу на ухо шепнула.
- Его отец бил здорово. За то, что он книжки в магазинах воровал.
- Расскажи лучше нашему гостю, что тут у тебя творится.

Стеша возмущенно уставился на девушку, а потом фыркнул, да так громко, будто бы всю жизнь только и делал, что брал уроки на конюшне.

- Это хранилище мысли, а не какой-нибудь дом сплетен! На то он и фантазийный жанр, чтобы здесь чудеса творились.
- Какие чудеса? – осторожно поинтересовался Глеб.

Степан шмыгнул носом и напряженным взглядом уставился незнакомцу в лицо.

- Профессиональная тайна, - процедил он после некоторого молчания и отвернулся.

Аня расстроено всплеснула руками.

- Да что же это такое! – возмутилась она. – А вот я тебя за такую дерзость в отдел античной поэзии сведу. Или в латынь!

Стешины прыщи залились алой краской. Похоже, вышеназванное Б-пространство для Стеши было тем же, чем была в глебином представлении философия или медицина.

- Ну, было, - замялся умник, хлюпнул и нехотя признался, - книги все поперепутались, местами поменялись, будто сами знали, как им лучше стоять.

Глеб глубоко вздохнул и резко, неожиданно сунул голову в стешино Б-пространство. Тот от подобной наглости даже потерял дар речи, и застыл, открыв рот. Наконец, ему удалось выйти из оцепенения. Глаза под круглыми стеклами очков, одна дужка которого была перевязана бечевкой, недобро блеснули. Бдительная Анюта вовремя сообразила схватить вояку за руку.

- Эх, ты, пригодишка! – озабоченно пробормотал Глеб, когда его голова вернулась на место.

Он с усилием потер покрасневшие глаза.

- Нечисто дело. След. Чужой. Горячий. То ли красным отливает, то ли пеплом веет, не поймешь. Все глаза забило.

Анюта ахнула и, словно малого ребенка, прижала Стешу к себе.

- Никого у тебя не было? – строго нахмурился Глеб.
- Никого, - горячо мотнул головой мальчик.
- Партизан, - усмехнулся парень. – А ты далеко ходишь?
- Да что вы, - махнула рукой Анюта. – Мы осторожно. С краю. Только-только инструктаж прошли.
- Ясно, - безрадостно пробормотал Глеб. – Анюта, вот что. Ты книги фантастические в детстве читала?
- Я все читал! – выпалил Стеша и раздраженно рванул плечи из объятий попечительницы.

Глеб не обратил на него никакого внимания.

- Хорошую какую-нибудь вспомни. Нормальную. Настоящую.
- "Война миров" сойдет? Страшно было, но я на пять раз перечитала. Все думала, а что, если у нас такая же напасть случится? Меня за нее нянюшка даже без сладкого оставила.

- Вот, - Глеб взял девушку за руки. – Я сейчас держу тебя. А когда уйду, ты представь, что между нами вроде как цветной мост. Или радуга. И рук моих не отпускай.

Анюта смутилась и в волнении закусила губу.

- Нипочем не отпущу, - тихо и серьезно сказала она после некоторого молчания и, тряхнув кудрями, поцеловала Глеба в губы.

Бедный Стеша попытался снова шмыгнуть носом, но вместо этого только неловко хрюкнул.

- И форточку свою смотри, не закрывай! – весело крикнул Глеб, - да здравствует сквозняк!

Он медленно отнял руки, осторожно развернулся и, словно неся на кончиках пальцев нечто драгоценное, с усилием, словно тяжелую антикварную штору, раздвинул перед собой пространство.

Странный это был след. Сидел так глубоко, что его никакой восторженный Стеша нипочем не прочухал бы. Однако он явно читался на фоне новых сумасбродных идей зарождающегося великого жанра. Жанра, которого, как предсказывал некий преподаватель философии, в ближайшем будущем ждало полное и окончательное забвение. По причине того, что он должен был благодаря чьим-то неловким стараниям переродиться в реальную жизнь.

17. Встреча

В отличие от Анюты Глеб "Войну миров" пять раз не перечитывал. Вернее, он ее вообще не читал. Так, вкратце знал, в чем там дело. Однако стоило ему подумать про книгу Уэллса, как она оказалась прямо под носом.

Глеб ощутил ее немного старомодный, пафосный слог и казавшееся теперь, на фоне современных беспредельных ужастиков, наивным искреннее желание автора напугать читателя. Книга сидела глубоко. Ее читали. Войдя в собственное Б-пространство, Глеб почувствовал, насколько ему здесь легче дышится по сравнению, скажем, с той же философией. Вот что значит быть в своей тарелке. То и дело вспыхивающий едва уловимыми алыми искорками след петлял и рвался, но его происхождение было явно местным, фантастическим. Глебу даже показалось, что он ему почему-то смутно знаком. Гений был прав, то, что натворило столько бед в хранилищах, происходило явно из его раздела. Однако стоило ему приблизиться к своим стеллажам, к своему времени, как след пропадал, уходил, петляя, куда-то вглубь. Не удивительно, что здесь его присутствие вообще не чувствовалось. В настоящем времени он был абсолютно неуловим.

Как они и договорились с Анютой, Глеб крепко держался за Уэллса. Когда история кончилась, он с удивлением заметил, что ее продолжает мягкий ореол чего-то подобного ей самой. И вспомнил, что совсем недавно вышел классный фильм, который он даже успел посмотреть. Действие закрутилось по новой, сюжет развернулся, грохнул финал. Присутствие Анюты ощущалось очень отдаленно. О римейке истории она, естественно, знать никак не могла. Глеб приготовился к тому, что на этом многострадальный Уэллс иссякнет, однако не тут-то было. Нить повествования тянулась дальше.

И тут произошла странная вещь – сердце съежилось и погасло, словно падающая звезда. Желудок и легкие поменялись местами. Только спустя некоторое время Глеб понял, что произошло – он наткнулся на продолжение. Кто-то спустя годы после его времени, того времени, когда живет он сам,

осмелился дописать книгу про вторжение марсиан. Он понял, что на этот раз ему удалось совершить на самом деле невозможное – попасть в будущее Б-пространство. След здесь стал таким четким, что заломило голову от запаха гари. Глеб вошел в него, зажмурился и зажал нос, потому что от копоти и дыма нечем стало дышать. Все прочее исчезло. Мысли сбились в испуганную стайку. Глеб очутился в хранилище.

Первое, что он увидел, была куртка. Его куртка. Она висела, перекинутая через самую нижнюю пустую полку. Буква "А" начиналась намного выше и уходила под потолок. В хранилище было тихо, однако, Глеб отметил, что все книги теперь покрыты пылью, и корешки у них стерты. Стеллажи были полупустыми. Лампы мигали или светили кое-как. На стеллаже напротив, в учебниках, царила разруха – книжки воткнуты как попало, что-то валялось на полу, что-то странным образом вообще висело в воздухе. Вдалеке парочка стариков, придерживая друг друга, едва передвигая ноги, молча и бесшумно плелась по коридору.

- Нет, о боже, нет! – воскликнул вдруг надтреснутый старческий голос.
- Нет, пожалуйста!

Сухой, сгорбленный дедок с белыми, длинными, пушистыми волосами, образующими одуванчиковый ореол над его головой, протягивал к парню костлявые, грязные руки.

- Осталось совсем немного! – причитал он. – Чуть-чуть потерпеть.
- Невозможно! Ненужно!

Серый, ужасно старый костюм на нем болтался как на пугале.

- Здорово, дедуль! – бодро приветствовал старикана Глеб. – Не бойся меня. Я так, зашел поглядеть, что тут у вас происходит. Как дела? – нарочито громко крикнул он прямо в ухо старику.

Тот скользнул по прибывшему странным, напряженным, вопросительным взглядом.

- Ты был там? – осторожно, с трудом ворочая губами, поинтересовался он. – Что? Что?

В выцветших, белесых глазах вспыхнул жадный, тоскливый огонек.

- Был, - похлопал себя по животу Глеб и глубоко вздохнул. – Дела ваши плохи – горит все. А ты что же сам не сходишь? Твое же хозяйство!

Старик долго разглядывал пришельца, а потом горько, сумасшедше рассмеялся.

- Сходил бы, - сварливо пробурчал он. – Да вот не могу больше. И никто не может. Старые мы. Новеньких не пребывает. Доживаем потихоньку.

Старик, кряхтя, уселся на пол и, закрыв глаза, облокотился о стеллаж. Эта поза Глебу напомнила о том, как он сам в первый раз попал к Анюте, и он усмехнулся.

- Вот не думал я. Хотя почему? Не хотел верить. Все пропало. Все пропало.

Дед уронил голову на грудь и затих. Глебу даже показалось, что старикан заснул.

- Дедуль! – заорал парень, наклоняясь над ним. – Что здесь творится, а? Знаешь?

- Что творится? – дедок быстро приоткрыл один глаз. – А вот давай сам сходи и посмотри. Сходи, сходи. Не зря же я лазейку оставил. Вон она, - он указал трясущимся подбородком в сторону куртки на нижней полке. - Я бы сам, да только вот после того случая больше никак. Полный Импот. Ни туда, ни сюда.

Старикан мерзко захихикал. Снова услышав это безобразное слово, Глеб вздрогнул и подозрительно оглядел согнувшуюся едва ли не пополам дряхлую фигуру. Почему-то что-то в ней в этот момент ему показалось смутно знакомым. Вдруг старик поднял голову, словно его осенило, и жадно впился глазами в лицо юноши. Не отрывая от него взгляд, он забормотал, будто по привычке разговаривая сам с собой.

- Но можно же... Если забрать ее оттуда. Забрать, да.

Дедок всхлипнул и схватился за голову. В глазах его сквозило безумие.

- Невозможно. Боже, как жестоко! Но почему? Почему?

Он вдруг завалился на бок и стал кататься, заливаясь слезами. Глеб в ужасе отпрыгнул. Вдруг дед ловко вскочил на колени, ухватил Глеба за штанину и торопливо залопотал.

- Я совершил ужасный поступок! Я во всем виноват! Я не смог сдержаться! А вдруг? Тогда ничего не случится. Слушай! Когда-то очень давно кое-кто спрятал кое-где одну крохотную штучку. Маленькую вещичку. Так, безделицу. Это ее ты ищешь. Это все она, злыдня. Она причина.

Глеб широко распахнул глаза. Сердце торжествующе екнуло. Неужели он нашел?

- Где это? Куда мне идти? И что искать? - заторопился он, безуспешно пытаясь выдернуть коленку из цепких, грязных стариковских пальцев.
- А, приятель! – помотал тот головой и хитро погрозил Глебу безобразно отросшим, кривым ногтем. – Как я тебя понимаю. Прекрасно. Не терпится. Не стоит на месте. Бежать, Стремиться. Да. А кончилось все здесь.

Он снова печально опустил голову и надолго замолчал. Глеб в нетерпении закатил глаза и осторожно потряс дедка за плечо. На этот раз на него глянули удивительно внимательные, живые глаза. Было похоже на то, что этот человек лишь временами впадал в безумное, тревожное, полубморочное состояние

- От тебя, парень, одного сейчас все зависит. Ты должен сделать это. Просто пойди и возьми ее. По скорости тебе нет равных. Ты сможешь. Только запомни – ты обязательно должен достать ее, взять, схватить утащить, вынести наружу, убрать оттуда! И тогда весь этот кавардак закончится.
- Что взять? – нетерпеливо переспросил Глеб.

Бессвязные, патетические речи старика стали его утомлять.

- Ты поймешь, - горько усмехнулся тот, - даю слово, ты поймешь.
- Это в будущем? – тихо спросил Глеб. – Еще дальше?

Дедок еле заметно кивнул.

- Как туда попасть?
- Думай.

- Но шаг же ровно сто лет. Этот кто-то, если это было раньше, он не мог пойти так далеко.
- Думай, - снова повторил дед и подмигнул. – Ты же сыщик. Так она, кажется, говорила? Хотел бы я сейчас...

Дедок всхлипнул и уткнулся в рукава. Плечи его затряслись.

- Я все здесь перечитал, - истерически выдохнул он, не поднимая головы и снова повалился на бок. – Все. Зачем?

Глеб не сводил с него удивленных глаз. Откуда он знает про Анюту? Странная догадка промелькнула и пропала, наткнувшись на что-то твердое и неприступное, скорее всего, именуемое здравым смыслом. Это невозможно. Медленным шагом он подошел к пустой полке и, немного повертев в руках, с опаской надел куртку. За сто лет с ней абсолютно ничего не случилось, только толстый слой пыли покрывал те места, что не пришлось на сгибы и складки.

- Я умоляю тебя! – рыдал старик. Губы его отплясывали на морщинистом танцполе лица чечетку. – Что бы ни случилось! Возьми это! Забери! Делай потом что угодно, только вынеси заразу из Б-пространства!

Глеб коротко кивнул, еще немного подумал, а потом, раскинув руки, быстро и бесстрашно упал головой вперед. Как раз туда, где не было книг – в череду пустых полок.

18. Выход

Да здравствует сквозняк! Теперь он готов был пожалеть о том, что сказал это. Снова показалось, что все внутренности вывернуло наизнанку. Он постарался как можно быстрее сделать этот шаг. На сто лет вперед. Вот и оно,

хранилище будущего. Глеб ожидал увидеть электронные датчики, компьютерные файлы, мониторы вместо стеллажей. Открыв глаза, в первую минуту Глеб испугался. Вокруг царилась крошечная тьма. Когда глаза немного привыкли, он с неприятным чувством, ошарапавшим грудь, словно разозленный когтистый зверь, обнаружил, что абсолютно все полки, и не только его раздела, были пусты. Ни одного учебника на стеллажах напротив. Молекуле бы это явно не понравилось. Не говоря уже о Марьян Валерьян. Что же случилось? Косяки голодных деревянных животных, выставив ребра, угрожающе обступили его со всех сторон. Глеб на ощупь побрел вдоль стеллажей. Ни души. Ни звука. Под ногами – пыль, грязь, обрывки ковра, прогнившее дерево пола. "Это ловушка, – мелькнула паническая мысль. – Я застрял!" Глеб вспомнил мрачное пророчество Геня Осиповича о том, что Б-пространство через дыру в его разделе вытекло наружу, в реальную жизнь, и миглом вспотел. Он стал искать хоть что-нибудь, чтобы войти внутрь и посмотреть, что случилось. Нужна была хотя бы одна книжка.

Он нашел ее. Книга Герберта Уэллса валялся на полу, едва живая, тонкая, донельзя обтрепанная, жалкая. "Значит, в будущем вторжение марсиан земле не грозит!" – уныло порадовался Глеб. Он осторожно подхватил бедолагу и поставил на полку. Закрыв глаза, вытянул руки. Ничего. Сухой, опасно горячий воздух колышется возле самых ресниц. Соваться в такое означает совершить духовное харакири. Пусто. "Все выжжено и вытоптано", – подсказало ему сознание. И вдруг... Жалкая, крохотная полоска мысли. Малюсенькая, еле уловимая дорожка. "Война миров". Анюта! Умница, лапочка! Она держит его!

Глеб осторожно вошел внутрь. Это было отвратительно. По коже поползли мурашки. Не было ничего. Ни мыслей, ни чувств. У будущего не было шансов. Да и самого будущего не было. Может быть, не было людей? Или они просто разучились думать? Глеб потихоньку тронулся вперед. Не тут-то было. Тупик. Анти-Б-пространство зашипело и съежилось вокруг него, ощерившись острыми, как резаное стекло, углами. Даже классике пришел конец. Нет литературы больше. Нет стилистики. Нет языка. Три точки. Все Шиляев, идите. Поезжайте домой.

- Анюта! – закричал он, потеряв самообладание. – Анюта!

Так Глеб орал и орал, до хрипоты, пока не почувствовал, что она здесь, с ним, в самых кончиках пальцев, что она держит его, как и обещала, до крови закусив губу. Она тянет на себя книгу и Стеша, войдя не слишком глубоко, но все же достаточно рискованно для его невеликих способностей, тоже крепко ухватился за шокирующую его неокрепшее сознание мысль о глобальной угрозе человечеству. Что Гений Осипович, Марьяна, Прохор, Трезвучие и даже Альфинур тоже, как могут, читают Уэллса.

- Все вместе! – прошептал Глеб. – Сейчас! Давайте!

Он зажмурился и ощутил в районе пупка чудовищный рывок. Одну и ту же книгу рвануло в свою сторону сразу несколько человек. Стало так тошно, что невозможно передать. Еще немного, и он рассыплется на миллиарды частиц. Б-пространство, которое не выносит фокусов, сожрет его, как незадачливого Лаврика, и тогда Марьяна выгребет из кассы монетки, и кто-нибудь купит в его честь позабытую книгу. И вправду, мало ли их на свете, хороших, достойных, но таких, о которых уже никто не помнит. "Пусть, - обречено подумал Глеб, - пусть". Еще немного. Хранители читали "Войну

миров", и не просто читали, а монотонно сматывали повествование в клубок. Вот оно, роковое 40 лет вперед или 60 лет назад. То, когда все произошло. Что же он такого сделал, этот жалкий, безумный старик?

Глеб почувствовал, что ему стало намного легче. Б-пространство поначалу показалось насыщенным противоречиями. Однако оно было однородным. Чудным. Трогательно похожим и на сказку, и на жизнь одновременно. Одна, огромная, целая, большая книга. Глеб удивленно вытарашил глаза. Сморгнул. Поперхнулся своими мыслями. Закашлялся. Помотал головой. Нет, не может быть. Это ошибка. Он снова оглянулся в поисках человека в майке: "А что, все-таки здорово мы тебя разыграли, чувак?!" Все Б-пространство было посвящено ему. Глебу Шиляеву. Его жизни, его делам, его книгам, книгам о нем самом. Разномастная, однако жутко приятная каша.

И тут он увидел название. И все понял. Мужчина в сером костюме и фигурной бородкой не сторе́л. Он метнулся назад, в прошлое, на сто лет, но потом передумал. Не захотел оставаться там, потому что побоялся увидеть ее глубокой старухой, понял, что не в силах будет вынести ее последние часы, ее смерть. Тогда он решился на невероятную вещь – пройти через центр всеобщего Б-пространства, там, где музыка соприкасается с философией, детские грезы сливаются с математикой, образуя магию единого творческого ядра, из которого рождается человеческая мысль, и благодаря этому дерзкому шагу ушел в будущее, на сто лет вперед. Он постиг невероятные вещи, истину, смысл жизни. Однако в итоге оказался нелепо запертым среди ненужного, позабытого хлама, лишившись способности посещать ставшее столь желанным и необходимым Б-пространство. Перед тем как выйти в хранилище - место,

где его никто и никогда не стал бы искать, потому что никто не знал о нем, он размахнулся и вышвырнул злосчастную флэшку в пропасть Б-пространства. Так далеко, как только смог. Надеюсь, что никто и никогда не найдет ее в столь запутанном, переменчивом и сложном измерении.

Он ошибся. Всего-то ничего времени прошло, и тайная, мистическая страна вскоре стала весьма посещаемым местом. Как и все, к чему он имел отношение, Б-пространство превратилось в реальность. Нечто вроде туристической забавы. В итоге кто-то любопытный нашел флэшку, забрал и прочитал историю. Понял, что наткнулся на золотую жилу, объясняющую, что происходит в реальном мире, и опубликовал книгу, естественно, под собственным именем. С тех пор второе, моральное измерение в жизни людей перестало существовать. Реальность и вымысел слились в одно целое. Книги потеряли смысл. Умер не только жанр фантастики. Постепенно умерли все жанры. Все книги. Все творчество. Вся духовная жизнь.

Даже ему, раздолбаю, оказавшемуся не способным закончить первый курс университета, стало ясно, что это надо остановить. И ему стало ясно, что только он сможет это сделать. Глеб судорожно рванулся вперед. Вдруг в его мозг, раздвинувшийся до нескончаемых пределов, хлынул светлый, мягкий, магический поток. Легко и осторожно, словно невесомый, сказочный поезд перед волшебной станцией, где живут красавицы-феи, ум остановился, замер, затих, затаился, а затем взорвался яркой, невероятной вспышкой озарения. Глеб ощутил невыносимое блаженство. Нирвану. Он был в центре себя, он был в своем сердце. Он был сильным, как бог. Он был богом. Его мысли и дела были волей бога. Тогда он еще не знал, что в тот момент он, живой человек, то есть, автор и его книга встретились. Мелькнуло и пропало испуганное лицо

самозванки, присвоившей себе авторство, боязливо дрогнули, сползли со страницы и сгинули несколько чужих, ненужных строк. Глеб вошел в собственную историю и, окруженный ее ореолом, стал неуязвим. Превратился в ходячего героя, который идет по проторенному сюжетом пути. Отныне он был одарен всем - везением, вдохновением, он получил потрясающий подарок - стал самым концентратом творчества и успеха. Он окунулся в Б-пространство, пропитался им, растворился в нем и превратился в него. Дальше идти, выполнять свою миссию, даже если бы он этого захотел, а, сказать по правде, конечно же, теперь Глеб этого вовсе не хотел, он не смог. Мысли про флэшку вылетели из головы, как засидевшаяся канарейка майским утром, минуя по неосторожности оставленную открытой дверцу клетки, поспешно покидает хозяйское окно. Про странного старика и его напутствия было начисто забыто. Ликование заполонило мир, распространяясь на все мыслимые и немыслимые части света. Это он – человек с фигурной бородкой, это он – жалкий старик на полу, умоляющий о спасении. Это он - "Библиотекарь". Глебу не нужно было читать. Он вобрал в себя события, описанные в книге, одним глотком, словно выпил воды. Ему было любопытно. Ему было весело. И в конце концов ему стало жутко. Все связалось в сознании в тугой, неизбежный узел. Когда вся вода была выпита, он задохнулся. А потом понял, что воздух больше был не нужен. Вдруг на самом краешке сознания ему померещилось что-то чужеродное. Это далеко-далеко послышался чей-то истерически-панический крик. Голос был сильно охрипший, видно кричали давно, долго и безуспешно.

- Э-э-эй! Люди! Кто-нибудь! Помогите! Э-э-эй!

И снова. Ужасно далеко, на одиноком осколке покинутой реальности.

- Слава богу! Парень! Слышь, помоги! Еле живой я! Переборщил малость. Занесло меня! Спаси, будь человеком! Сделай что-нибудь!

В конце концов кричавший даже закашлялся от напряжения.

- Лаврик, - улыбнулся Глеб и легким движением безо всякого сожаления отпустил уже ставшего почти неуловимым Уэллса. – Все. Теперь все. Шиляев, домой.

Он не слышал, как вздрогнула, а потом и вовсе упала Анюта, как разразился забористой бранью, подцепленной в подворотнях, тихоня-Стеша, как застонала, почуяв неладное, и кляня на чем свет стоит свою неосмотрительность, Марьяна, а Гений Осипович опять в сердцах плюнул на идеально чистый ковер, хотя на самом деле вряд ли кто-нибудь из них действительно понял, что произошло. Долговязый мужик в джинсовой куртке издал радостный, боевой клич и пропал, будто смытая дворником капля на стекле автомобиля. Секундой позже он, тяжело дыша, держась за сердце и хватая ртом воздух, вывалился из раздела с названием "Фантастика" и, через силу улыбаясь, помахал рукой стоявшей напротив девчонке в клетчатой фланелевой рубашке нараспашку.

- На, наконец-то! – просияв, воскликнула та. – Что-то ты, Лаврик, долго!

Книги в его хозяйстве стояли ровно и правильно. И только одна полка внизу оказалась пустой.

- Непорядок! – отдышавшись, нахмурился мужик и стал аккуратно заставлять ее, любовно отряхивая корешки книг.

А Глеб был уже совсем близко от того самого места, с которого все началось. В тот момент он едва ли соображал, что делает. Им всецело

овладело одно только чувство – выбраться наружу, показать всем, кто он такой. Вот долгожданный сквер, где так хорошо сидеть, пить с ребятами пиво, глазеть на девчонок и строить воображаемые козни преподу по ненавистной стилистике. Вот переулок, вот задний двор сверкающего чистотой и дороговизной бизнес-центра. Вот темно-зеленый, бесшумный форд. Вот собственной персоной господин мэр. Глеб почувствовал нестерпимый зуд поделиться со зрителями вечерних новостей драгоценной информацией, проливающей истинный свет на происходящие события, касающиеся реки, воды и связанных с ними хитроумных юридических казусов. Он понял, что это желание на многие годы станет его сущностью, его первой, второй и последней натурой. Искать, разоблачать, докапываться, доказывать. Он знал наверняка, что здесь он точно всем утрет нос.

В книге все оказалось на зависть реально описано. Протяни руку, и ты там. Сердце Глеба подпрыгнуло до небес, да так там и осталось. Снаружи. Остальное было делом техники. Дрожа от возбуждения, он затаил дыхание, закрыл глаза, с силой рванулся вперед, и крича от напряжения, с изнанки раздвинул страшно тяжелые, неподатливые шторы параллельного измерения. Парню удалось протиснуться в невероятно узкую щель, прежде чем то, что осталось за его спиной, сотряс удар, и мощная волна обдала его своим трепещущим, вибрирующим дыханием. И в тот же миг он, теряя равновесие, и едва не потеряв сознание, явственно ощутил, что теперь навсегда свободен.

19.

Мэр с минуту постоял возле темно-зеленого форда, глотая воздух. Шкаф едва заметным поворотом квадратной челюсти указал Глебу на

обшарпанную дверь, мол, валяй, теперь можно. Тот, улыбаясь, решительно помотал головой и почему-то похлопал себя по пустому карману куртки. Ему померещилось, что-то должно было лежать там. Или нет? С чего он взял?

- Ну уж нет, спасибо, - хохотнул Глеб, встряхнув челкой, которая лезла в глаза, и поглядел на свои драные джинсы. - Какой из меня библиотекарь!

Он скорчил серьезную мину и нарочито четким движением отдал честь отъезжающей машине. Через десять минут этот шут гороховый уже стоял внизу, в фойе "четверки" – самого продвинутого в городе местного телевизионного канала. Глубоко вздохнув, во все легкие втянул в себя спертый офисный воздух и набрал на телефонном аппарате номер шефа новостей. Он знал, что действовать сейчас нужно решительно и нагло.

- Алена!? – бодро и задиристо выпалил Глеб.
- Да? – с легкой вопросительно-заинтересованной интонацией ответил приятный женский голос.
- У меня есть забойная тема для сюжета в сегодняшние "Новости". Это касается комбината. И лично господина мэра. Мне кое-что стало известно. Пожалуйста, дайте машину и камеру, и завтра о вашем выпуске новостей будут говорить все! Поверьте, я серьезно!

Голос на том конце провода, словно колеблясь, стойко выдерживал паузу.

- Вы не пожалеете! – взвыл Глеб, теряя терпение, даже руки у него затряслись.

Женщина усмехнулась, а потом, наконец, быстро, по-деловому, ответила.

- Поднимайтесь наверх. Я выпишу пропуск. Как вас зовут?
- Глеб. Глеб Шиляев.

Странное, тревожное воспоминание шевельнулось глубоко-глубоко, снова почудилось, что он что-то где-то забыл или что-то не сделал. Но, едва заведя свою фамилию на пропуске, он заставил себя это чувство проигнорировать. Сердце летело на два пролета быстрее, чем он сам, бегом поднимающийся по лестнице. В том, что сегодня вечером его имя станет известно всему городу, он почему-то не сомневался ни на секунду.